

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXXIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Синды, Зундъ и Сундары . . . . . Кн. П. П. Вяземскаго.

Опыты по исторіи развитія христіанской
легенды. . . . . А. Н. Веселовскаго.

Русско-византійскіе отрывки. II. . . . . В. Г. Васильевскаго.

Иванъ Мосошковъ. (Продолженіе.) . . . . А. Г. Брикнера.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Nákres mluvnice staroceské. Sepsal *Josef Jureck.*
(Очеркъ старо-чешской граматки. Написалъ
Осипъ Иречекъ) . . . . . П. А. Бодуэна-де-
Куртене.

Порѣцкая учительская семинарія . . . . А. Гурладія.

Десятое присужденіе Ломоносовской преміи. И. И. Срезневскаго.

Общій университетскій уставъ королевства
Итальянскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: низшія
училища.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л — ра.

Статистическія свѣдѣнія о числѣ и пріемѣ
учениковъ гимназій и прогимназій ми-
нистерства народнаго просвѣщенія въ
1874—75 учебномъ году.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

СИНДЫ, ЗУНДЪ И СУНДАРЫ.

Въ концѣ 1875 года вышелъ въ свѣтъ сборникъ подъ заглавіемъ „Каспій“, соединяющій въ себѣ многолѣтніе труды академикомъ В. А. Дорна и А. А. Куника ¹⁾. Книга эта тѣмъ болѣе заслуживаетъ всеобщаго вниманія, что въ ней наглядно представляется современное состояніе вопроса о началѣ Русскаго государства съ точки зрѣнія скандинавизма.

Я слишкомъ мало слѣдилъ за движеніемъ историко-географической литературы, чтобы позволить себѣ выразить мнѣніе о томъ, насколько эта книга обогащаетъ науку новыми свѣдѣніями и представляетъ отчетливое изслѣдованіе исторіи Каспійскаго побережья. Къ тому же живой полемической отгѣнокъ, данный этому сборнику академикомъ Куникомъ, совершенно затемнилъ въ моихъ глазахъ, историко-географическое значеніе книги. По поводу моихъ „Замѣчаній на Слово о Полку Игоревѣ“ академикъ Куникъ предлагаетъ мнѣ два вопроса ²⁾. Прежде чѣмъ отвѣчать на нихъ, долгомъ считаю отъ души благодарить А. А. Куника за то, что онъ не усумнился въ отсутствіи какого-либо, съ моей стороны, намѣренія выразить что-либо обидное относительно его почтенной ученой дѣятельности. Сознаюсь, я имѣю мало сочувствія къ ученой полемикѣ; тѣмъ не менѣе я вполне понимаю, что полемика есть сильный рычагъ, необходимый для успѣшной обработки научныхъ вопросовъ. Съ меньшимъ уваженіемъ я смотрю и на общепринятое правило — не отступаться легко отъ своего мнѣнія. Правило это еще сильнѣе свя-

¹⁾ *Каспій*. О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на побережья Каспійскаго моря. В. Дорна. Съ двумя литограе, картами и восемью копиями. С.-Пб. 1875.

²⁾ *Каспій*, стр. 690.

зываетъ человѣка, принадлежащаго къ той или другой партіи, школѣ или учрежденію. Оно необходимо, наконецъ, для устраненія той неурядицы, которая неминуемо произошла бы съ принятіемъ недостаточно доказанныхъ тезисовъ. Я никогда не сомнѣвался ни въ законности, ни въ полезности этого правила, и потому съ крайнимъ прискорбіемъ увидѣлъ, что мои слова могли возбудить даже тѣнь сомнѣнія. Признавая въ академикѣ Куникѣ блистательнѣйшаго представителя скандинавской школы, заботливо слѣдящаго за ходомъ науки въ Германіи и вообще въ Европѣ, я отнесся лично къ нему въ твердомъ убѣжденіи, что онъ уже не признаетъ преждевременнымъ замѣнить теоретическіе тезисы болѣе положительными изслѣдованіями, то есть, перенести вопросъ на болѣе положительную почву. Если я позволялъ себѣ относиться полемически къ ученымъ, заслуженнымъ и многоуважаемымъ представителямъ скандинавской школы, правильнѣе — школы Гримма, то это лишь по глубокому убѣжденію, что школа эта приноситъ вредъ развитію филологіи въ Россіи. Еще Шлецеръ принесъ съ собою въ Россію готовую науку и этимъ самымъ отодвинулъ на задній планъ старомодныхъ русскихъ изслѣдователей и съ ними всѣ древніе классическіе источники; разработка же источниковъ въ ихъ совокупности есть жизнь науки. При разработкѣ филологическихъ и историческихъ вопросовъ для насъ несравненно полезнѣе самостоятельно, хотя бы иногда и грубо, ошибаться, нежели снискивать себѣ одобрительные отзывы за правильность наложенія какого-либо научнаго вопроса на основаніи выработанныхъ въ Германіи системъ. Самыя одобренія эти, въ добавокъ, не особенно и лестны. Нѣтъ системы безошибочной, германскіе же систематики болѣе другихъ увлекаются и доводятъ упорно системы до крайняго предѣла, жертвуя фактами и отвергая все, что противорѣчитъ системѣ. Погрѣшности ихъ имѣютъ однако свой смыслъ и несомнѣнное право на существованіе въ той средѣ, гдѣ они выработываются и распложаются. Недостатки и ложное направленіе смѣняющихся въ Германіи научныхъ теорій укладываются постепенно въ умы въ полной гармоніи съ умственной и нравственной обстановкой Германскаго народа. Тѣ же хитросплетенныя системы, получаемыя нами не изъ первыхъ рукъ, съ значительной утратой ихъ жизненной силы, претятъ народному чувству и оскорбляютъ русской весьма положительный разумъ. Лишенные жизненной силы, онѣ не даютъ и не могутъ дать роста. Въ Германіи самыя ошибки не имѣютъ того значенія, которое онѣ имѣютъ при перенесеніи на чуждую почву. Возводимыя въ Германіи системы находятъ постоянный отпоръ, а къ

намъ онѣ переходять какъ послѣднее слово науки и держатся у насъ непоколебимо рядомъ поколѣній. Самая высота научнаго уровня въ Германіи, которую мы не можемъ не признавать, неправильно пригибается у насъ, ставя произвольныя и несоразмѣрныя условія при обсужденіи нашихъ собственныхъ научныхъ изслѣдованій. У насъ уже не одно поколѣніе вынуждено было подчиняться правиламъ чуждой ему системы съ подавляющимъ сознаниемъ, что система не прививается къ той средѣ, для которой предназначаются работы. Отсюда постоянно увеличивающееся и весьма замѣтное у насъ охлажденіе къ изученію русской жизни отдаленныхъ вѣковъ.

Шлецеръ заявилъ, что смѣшно искать слѣды Русскаго и Славянскаго племени въ Страбонѣ и его предостереженіе остается доселѣ въ полной силѣ, безъ всякой повѣрки. Страбонъ,—сохранившій свѣдѣнія, собранныя въ теченіе столѣтій Греками и положительныя, достовѣрныя географическія и этнографическія данныя, накопившіяся въ официальныхъ архивахъ Рима, — не занесенъ въ число источниковъ славянскимъ споспѣшникомъ знаменитаго Гримма, Шафарикомъ; у насъ Страбонъ остается не переведеннымъ, почти неизвѣстнымъ и пользуется какою-то странною, неопредѣленною, сомнительною репутацией. Шлецеръ призналъ скандинавскіе источники баснословными, польскіе—тоже; М. П. Погодинъ объявилъ германскихъ лѣтописцевъ крайне запутанными; академикъ Куникъ, признавая византійскихъ писателей педантами, отвергаетъ свидѣтельства византійскихъ историковъ и географовъ касательно обычая называть южныхъ Руссовъ Таврами. Въ виду весьма опредѣленныхъ и даже весьма обстоятельныхъ показаній, онъ требуетъ какихъ-то другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о нахожденіи Русскаго племени до Руррика, близъ Чернаго моря. Въ случаѣ открытія новыхъ византійскихъ источниковъ, не понятно, почему эти неизвѣстныя свидѣтельства тѣхъ же педантовъ могли бы быть признаны болѣе достовѣрными. Г. Куникъ сдѣлалъ въ „Каспій“ значительный шагъ впередъ: онъ предлагаетъ перенести вопросъ историческій въ область филологіи, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что лучшіе представители нашей исторической науки даже долгаго *asa* не умѣютъ отличить отъ краткаго *ома*. Неоднократно выражено было убѣжденіе, что вопросъ варяжскій не существенъ; а вполне раздѣлилъ бы это мнѣніе, еслибы не былъ убѣжденъ, что въ наукѣ каждый вопросъ относительно важенъ. Дѣло даже не въ томъ, были ли Варяги Арійскаго или Туранскаго племени, были ли они завоеватели или наемные люди,

а дѣло—въ методѣ изслѣдованія историческихъ вопросовъ. Историческая почва несомнѣнно скользкая, а все-таки нельзя отважиться на предложеніе взорвать историческое зданіе на воздухъ и перелетѣть въ область передвиженія отвлеченныхъ гласныхъ и согласныхъ — въ той суетной надеждѣ, что этимъ способомъ мы проникнемъ въ по-смертную обитель Одина и Азовъ и убѣдимся, что всѣ Руссы, погибшіе на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ до 1175 года, были Германскаго, Норренскаго и даже Шведскаго племени и произносили долги *a* совершенно согласно съ гипотезой Гримма.

Пора, однако, перейти къ заданному мнѣ вопросу о томъ, что я думалъ о названіи русскимъ лѣтописцемъ Золотаго Рога въ Константинополѣ „Суда“ и объ отношеніи этого названія къ Зунду. Я дѣйствительно думалъ въ Константинополѣ объ отношеніи Суды Константинопольской къ Зунду, но съ молодости признавая мечтательность для разъясненія историческихъ вопросовъ средствомъ вполне ненадежнымъ, я немедленно при первомъ чтеніи лѣтописца, по изданію археографической комиссіи, справился, какое значеніе *Souda* имѣло въ средніе вѣка на греческомъ и латинскомъ языкѣ; это слово обозначаетъ каналъ для стока воды и нечистотъ, ровъ, валъ, укрѣпленное мѣсто, даже свиной хлѣвъ; этимъ именемъ обозначается также устье рѣки; въ этомъ послѣднемъ значеніи слово встрѣчается у Константина Порфирогенита (*de Adm. Imp.* гл. XLII, 132); *Fossatum* и *Sudatum* употребляются одно вмѣсто другаго. *Schwebelius* указываетъ различіе между обоими выраженіями: *fossata, fossae fuerunt circa urbis moenia ductae. Sudata dicebantur munimenta valli e sudibus fieri solita, aggeres.*

Рамнусій (*De bello Constantinopolitano.* l. II, 75) опредѣлительно описываетъ ту мѣстность, которая могла правильно быть названа Судой: „*Ante Urbem, non procul a Blachernia porta consistunt: ibi Praetorii vexillum erigitur. Classis vero universa celeriter commovit, et portum praetervecta, in conspectu nostrorum constitit; idque ad intimum sinum, qua Bosphoro aquis dulcibus sensim infuso, portus fere circumcluditur. Illac Hydrales fluvius cum Barbyse, nunc Chartarico ab officina ostiis fluminum propinqua, ubi chartae explanantur, vel Pectinacorio appellato, se coniungit et in Sinum Ceratinum influit.*“ Здѣсь именно и нынѣ находится турецкая таможня. По гречески Судой могла только называться эта часть Золотаго Рога, и эту часть не слѣдуетъ принимать за гавань, затворяемую цѣпью. Рамнусій весьма обстоятельно опредѣляетъ мѣсто, гдѣ протягивалась цѣпь (74): „*Tur-*

ris erat Galatae, Castellum Galaticum vocant qua ad Ceratini Sinus medium, ubi angustissimus est Bosphorus, in stadia paulo plus tria coarctatur, bene munita, qua pertinens Catena ad ipsam Constantinopolitanam Acropolim, naves intercludebat, cum alia portus ob secundum Bosphorum adiri non posset; nostro aevo adhuc Galatae porta est, quae appellatur Catena, ex eo quod ab Acropoli ad eam, usque portam, Catena extenderetur".

Нѣтъ ничего удивительнаго, если иногда названіе искусственнаго канала или бассейна переносилось и на самую гавань и даже на весь проливъ, имѣя въ виду ихъ замѣнотость (сравни оба словаря Дюканжа—греческій и латинскій). Слѣдовъ близкаго отношенія германскихъ племенъ къ Восфору не замѣтно съ древнѣйшихъ временъ; наоборотъ, весьма явные слѣды указываютъ на отношенія къ мѣстностямъ, примыкающимъ къ Черному и Мраморному морямъ, племенъ Греческихъ, Турецкихъ, Славянскихъ и Романскихъ. На основаніи этого соображенія мнѣ немедленно пришелъ на мысль Крымскій Судакъ; но такъ какъ я нашелъ въ греко-византійскомъ языкѣ вполне удовлетворительное объясненіе названія русскимъ лѣтописцемъ греческой мѣстности, греческимъ именемъ, то и считъ бесполезнымъ продолжать поиски о томъ, существуетъ ли связь между Крымскимъ Судакомъ, Зундомъ и греческимъ Σοοδα.

Прежде однако чѣмъ приступить къ изложенію собранныхъ свѣдѣній, необходимо войти въ разборъ предначертаннаго академикомъ Кунникомъ наставленія касательно этимологій, хотя я словопроизводствомъ не занимаюсь и еще менѣе слововоспроизводствомъ. Г. Кунникъ смѣшиваетъ двѣ вещи, довольно легко отличаемыя: 1) сближеніе разноплеменныхъ словъ, интересныхъ въ историческомъ, географическомъ или бытовомъ отношеніи, способствующее разъясненію взаимныхъ сгладившихся соотношеній между разными народами и 2) сравнительное изученіе сродственныхъ языковъ. Всѣмъ и всегда бросались въ глаза передвиженія и замѣненія однихъ буквъ другими при переходѣ словъ изъ одного языка въ другой. Пресловутый законъ о передвиженіи буквъ, въ отношеніи къ исторіи и географіи, не имѣетъ особеннаго важнаго значенія—и безъ опредѣленнаго сознанія закона многогда не сомнѣвались въ тожествѣ именъ Бретонцевъ и Бритовъ, Орковъ и Турокъ, Трухменовъ и Туркоманъ, Вѣна и Wien, Gaule Галлія, Донау, Danube и Дунай, Римъ, Roma и Урумъ, Русъ, Россъ Урусъ, Хорваты, Kраваты и Croates и т. п. Честь внесенія этого закона явнаго закона неправильно приписывается Гриму; обстоя-

тельное изложеніе этого закона сдѣлано впервые Датчаниномъ Раскомъ и тогда же было переведено Фатеромъ въ его „Vergleichungstafeln der Euroräischen Stammsprachen“.

Что касается до теоретическаго словопроизводства, то здѣсь несомнѣнно необходимы строгія, твердыя и опредѣленныя правила; нѣтъ сомнѣнія, что законы эти не могутъ быть достаточно строгими. Въ „Каспій“ Г. Кунинъ раздѣляетъ этимологію на 1) vulgaris, дикая, кvasная; 2) bovina, бычачья и 3) грамматическая. Съ перваго взгляда грамматическая этимологія показалась мнѣ низведенной на крайне невыгодную для чести науки степень. Ознакомившись ближе съ образцами грамматической этимологіи, трудно не согласиться, что указываемая послѣдовательность имѣетъ основаніе. Понятно становится, почему крайне научная, искусная и образцовая этимологія Индусовъ отнесена къ вульгарной. Максъ Мюллеръ, равно какъ и Вейтней, говорятъ, что современная филологія въ Европѣ не достигла совершенства индѣйскихъ филологовъ. Шлегель (Reflexions sur l'étude des langues Asiatiques. Bonn. 1832, стр. 34 и 44) говоритъ о древнихъ индѣйскихъ этимологахъ: „Leur doctrine est incontestable à l'égard de la plus grande partie des noms substantifs et adjectifs; mais il reste dans le creuset une masse considérable de mots refractaires à ce genre d'analyse; et c'est là où commence l'étymologie conjecturale“. Отвергая гадательную этимологію современныхъ пандитовъ, Шлегель присовокупляетъ: „Si au contraire elles sont un héritage des anciens grammairiens, les égarements mêmes de leur théorie sont un fait curieux à connaitre. Gardons nous cependant de rejeter sans examen, à cause de leur apparence paradoxale des étymologies peut être authentiques“.

А. А. Кунинъ неоднократно и предупредительно повторяетъ древнюю „анаемю“: „quod licet Jovi non licet bovi“. Съ этимъ опредѣленіемъ намъ легко согласиться. Переносить съ дикаго поля зеленый кормъ для воловъ на пахатное поле—служба полезная и разрыхлять научную почву хотя бы и въ качествѣ воловъ полезнѣе, чѣмъ ожидать фантастическаго, золотого дожда отъ Юпитера въ нашъ скептическій вѣкъ.

Выяснивъ скромное наше отношеніе къ наукѣ, перехожу къ крымскому Судаку, чтобъ отъ этого пункта по разнымъ *митарствамъ* прослѣдить соотношеніе между балтійскимъ Зундомъ, греческимъ Суда и татарскимъ Судагъ. Любопытные варианты названія этого крымскаго города находятся въ Кеппеновомъ „Крымскомъ Сборникѣ“ 1837 года

У Византийцевъ съ VIII по XIII столѣтіе *Souy danc*, въ договорѣ 1880 года *Sodaya*, по надписямъ конца XIV и XV столѣтій *Soldaye* и *Saldaye*. Первая изъ этихъ формъ указываетъ несомнѣнно на татарское происхожденіе *Soudanc* отъ татарскаго *Судъ*, пошлина, а романская *Солда*—отъ средневѣковыхъ латинскихъ словъ *Solda* и *Selda*, *taberna mercatoria*; *Soldada*, *Soldée*, *Sodée* и *Soudée* обозначаютъ то же самое по словарю Дюканжа. Дѣйствительно, по словамъ Рубруквиса, „городъ Судаъ былъ мѣстомъ сбора пошлинъ со всѣхъ купцовъ, приходящихъ изъ Турціи и отправляющихся въ сѣверныя страны а также и съ тѣхъ, которые изъ Россіи отправляются въ Турцію“. Форма *Soldada* встрѣчается у Марко Поло, *Soldaia* — у Иосафата Барбаро, *Шолтадіа* — у сократителя Едриси. Этотъ городъ немедленно занятъ былъ Татарами при первомъ вторженіи въ Россію. Вблизи сюда относятся и проливаютъ яркій слѣдъ на отношенія романскихъ и татарскихъ формъ подписи, отмѣченныя Дюканжемъ на документахъ XIV и XV столѣтій въ Аквитаніи. Лица, принадлежащія той же фамиліи *de la Trau*, подписываются *Syndicus*, *Soudik*, *Soudan* и *Soldan de la Trau* (у Дюканжа *sub v. Syndicus*). Тождество составнаго греческаго *Syndicus* въ значеніи законника, повѣреннаго, съ *Soudan* и *Soudik* повторяется въ древне-фризскихъ документахъ въ формахъ *Sind*, *Sond*, *Sinuth*, *Sineth*, судъ, соответствующихъ сложному греческому *сунодъ*, въ значеніи *Synodalgericht*, (*Richthofen*. *Altfriesisches Wörterbuch*). Здѣсь кстати замѣтить, что Дюканжъ отнюдь не терялъ времени на объясненія и догадки; онъ приводитъ по документамъ выписки, служащія для разъясненія значенія слова, а встрѣчающіяся въ словарѣ его догадочныя объясненія принадлежатъ германскимъ ученымъ. Напримѣръ, на основаніи французскихъ поэмъ онъ выясняетъ значеніе слова *drus* и *drusi* весьма правильно въ смыслѣ другъ и подруга; слово это отнесено неправильно къ германскому *trau*, отъ котораго непосредственно *drusi* произойти не могутъ. Не ручаюсь, впрочемъ, чтобы это объясненіе не принадлежало его позднѣйшимъ издателямъ.

Переходъ *l* въ *n* представляетъ средневѣковой латинскій языкъ въ самомъ словѣ *Solum*, *fundus*; въ томъ же значеніи въ средневѣковыхъ документахъ встрѣчается *Solanum* и *Sondrum*. Слово *Solum* поясняетъ воишь значеніе *solder*, платить и *Solide*, *Solidus*, твердый и монета, *Solidare* утверждать, укрѣплять также точно, какъ *ragus* округъ и итальянское *ragage*, французское *raus* и *rauer*. Нѣчто похожее встрѣчается и въ древней Россіи. Константинъ Вагранород-

ный говоритъ, что слово гуръ обозначало округи, куда русскіе князья ходили изъ Кіева съ ноября по апрѣль мѣсяць для сбора податей. Это слово гуръ, сохранившееся у Мадьяръ, признается за то же, что и вира, пошлина и плата за преступленіе. Древне-русское гуръ есть то же, что средневѣковое латинское *guro*, *ambitus mugorum*, *gugare*, *visitare*, *gurovagari*, *circumcirca vagari*. Латинское *guro* и наша вира весьма сродни съ германскимъ *Wehr*, но едва ли есть основаніе производить эти слова отъ германскаго *wehr*: главное значеніе слова заключается въ кругѣ, округѣ и круговой порукѣ. Страшное значеніе имѣетъ нѣмецкая глосса въ одной изъ рукописей прусскаго словаря къ древне-прусскому *Sunde*: „*Verkeuft die leute, nimpt gelt und lest die menschen tödten und umbringen das gelt löset alles böses, hier ist Gottes Wort in offen und darzu sein leiden*“. Нессельманъ, въ изданномъ имъ прусскомъ словарѣ предлагаетъ замѣнить предпоследнее слово *sein* словомъ *rein*, тяжкій. Кажется, что смыслъ ясенъ и безъ исправленія: Слово Божіе не только нарушается, но и страдаетъ въ существѣ своемъ.—О продажѣ людей говорить и Адамъ Бременскій: *de Situ Danicae*, p. 94.

Souda тождественно съ *Soldaia*. Это явствуетъ изъ названія устья Оронта: *Soudi*, *Sudi Portum*: sic vocant, говоритъ Дюканжъ, *Orontis fluvij Ostium*. У Сануто III, p. 3, c. 1 устье Оронта названо *Portus Soldini*. Варианты Согдай и Судагъ повторяются и въ персидскомъ языкѣ, на коемъ вмѣсто пошлины обозначаютъ торговлю. Риттеръ говоритъ, что названію Сартъ въ Средней Азіи соответствуетъ на персидскомъ языкѣ названіе *Sogdager* или *Sudagr* въ значеніи: торговые люди. При этомъ Риттеръ едва ли основательно замѣчаетъ, что Потоцкій ошибается, полагая* это слово *Sogdager* и *Sudagr* въ связи съ древнимъ названіемъ страны Согдіана (*West-Asien*, v. III. 725). Персидская форма согдръ прямо, безъ искусственной *Lautverschiebung*, по историческимъ документамъ указываетъ слѣдъ движеній народныхъ, торговыхъ и хищническихъ съ устьевъ Индуса до Атлантическаго океана на границы Франціи и Испаніи.

Уже выше было упомянуто, что сугдъ значить по татарски пошлина. Этотъ слѣдъ ведетъ прямо въ Среднюю Азію на границы Китая и Индіи. Согдіана есть лишь смягченная форма также древней, встрѣчающейся въ классической литературѣ формы *Σουδαίνα* (*Rasow*) точно также какъ Судагъ назывался Византійцами *Σουδαίνας*. Кромѣ общаго названія самой страны въ Средней Азіи, на границѣ Китая и Индіи, въ Согдіанѣ встрѣчаются довольно характеристи-

чекія мѣстности, носящія то же названіе: Зерешанъ назывался въ древности *Σοῦδ*, а на Аму-Дарѣ упоминается *Petra Sogdiana*; онѣ получили это названіе, вѣроятно, также вслѣдствіе вниманія пошлннѣ. Сюда принадлежит и Согдъ, Александрія на Синдѣ или Индусѣ. Среднее названіе Сундырь повторяется 17 разъ въ Казанской губерніи, постоянно въ связи съ развалинами укрѣпленных мѣстностей. Трое изъ 17 Сундарей лежатъ на межѣ, отдѣляющей чувашское народонаселеніе отъ татарскаго. Сундарь, по чувашски сьундерь, сьундурь, по черемиски шундерь, у луговыхъ Черемисовъ синдарь, у Казанскихъ Татаръ сундерь, значитъ полати, а чувашское сендерь поля, полица, и находятся въ весьма близкомъ сродствѣ съ латинскимъ *Sudes* и его производными формами и синонимами.

Sic Graeca recentiores vocem Σοῦδα, usurpant interdum pro fossa, interdum pro vallo et sudibus fossam munientibus. Дюканжъ по поводу примѣра изъ *Chron. Alexandrinum* говоритъ: *Ubi Σοῦδάτων idem est quod recentior Latinitas Vallatum vel palatum Vocavit, seu Palicium.* *Scylitzes, p. 660: καὶ γινόμενος ἄχρι τῆς λεγομένης μεγάλης σοῦδας alii Codd. habent τάρροο, что значитъ перекопъ.* У *Begecia fossatum* и *Sudatum* имѣютъ какъ бы одно и то же значеніе.

Синонимы *Sudatum* и *Palicium* объясняются татарскимъ сундерь и русскимъ полаты, поля и полица.

Юрнандъ также упоминаетъ любопытную мѣстность въ Венеціанской области, близъ коей Теодорикъ встрѣтился съ Одоакромъ, царемъ Ругіевъ и *Турчилитомъ*: *Indeque Venetiarum fines ingressus, ad pontem Sontium pincipatum Castrametatus est (de Getarum sive Gothorum origine, c. LVII).*

Въ нашей лѣтописи Суда обозначаетъ Золотой Рогъ, запираемый цѣпью, и какъ кажется, весь проливъ. Ольга употребляетъ это слово опредѣленно и обозначаетъ таможеню, находящуюся и нынѣ при устьѣ рѣчки, впадающей въ Золотой Рогъ. Въ славянскомъ переводѣ *Georgii Amartola* находимъ, что Судъ соотвѣтствуетъ греческому *Στενον*: „тѣгда ѡмень глаголемый Сѹдъ и вся пожгоша“ (*Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малонзв. памятникахъ. Зап. А. Н., т. VI, кн. I.*)

Переходъ звука *sd* въ *md* видѣнъ въ валахскомъ *migdale*, греческомъ *ἀμυγδάλη*, французскомъ *amande*, миндаль. Точно также рѣка Сунджа называется Чеченцами Солчь (*Klaproth, Voyage au Caucase. Paris. 1823. T. I, p. 429.*)

Какъ сказано выше, названіе Сундырь встрѣчается семнадцать

разъ въ Казанской губерніи, а именно: Сундырское селеніе на берегу Малой Сундырки, протекающей у подошвы горы, вершина коей ограждена со всѣхъ сторонъ валомъ со рвомъ, длина рва и вала до 109 сажень съ перерывомъ, служившимъ воротами; древнее укрѣпленіе сиветь черемисскимъ, здѣсь Волга была загорожена и флотилія подъ начальствомъ князя Палецкаго, въ 1524 г. сильно пострадала, такъ что только нѣсколько судовъ могли пробиться; крѣпость сожжена Морозовымъ; — Усть-Сундырская ватага при впаденіи Большой Сундырки въ Волгу; — село Сундырь, переименованное съ 1856 года въ Марининъ посадъ; эта мѣстность прежде называлась Сундырскою пустошью, а по чувашски Съундъръ-вурри, устье Сундырки, какъ называется и эта рѣчка; другая же деревня на вершинѣ той же рѣчки называется Съундъръ-позе. Всѣ остальные Сундыри, точно также какъ и вышеупомянутыя, расположены въ Казанской губерніи на правой сторонѣ Волги; при всѣхъ видны слѣды укрѣпленій и всѣ служили, по указанію г. Золотницкаго (Корневой Чувашско-Русскій словарь. Казань. 1875 г., стр. 268 и сл.), сторожевыми пунктами среди племенъ, сохранившихъ воспоминанія о древнихъ укрѣпленіяхъ и о прежней боевой жизни. (Всѣ свѣдѣнія о Казанскихъ Сундыряхъ заимствованы изъ XXII-го приложенія къ упомянутому словарю).

Въ Воскресенской лѣтописи къ словамъ подъ годомъ 1367: „Прииде Булакъ Темиръ и пограби уѣздъ весь“ приписано на полѣ другой рукой: „по Волгѣ даже и до Сундовити, и села княжи Борисовы и княжи Дмитревы. Князь же Дмитрей Константиновичъ съ братомъ своимъ, со княземъ Борисомъ и съ дѣтми, и собравъ вон поиде противу ему; онъ же окаянный не ста на бой, но побѣже за рѣку за Піяну: и гониша по немъ, много Татаръ останочныхъ загонныхъ избяша, а инии мнози въ рѣцѣ Піянѣ истопоша; нѣколико же ихъ по зажитіемъ избяша; а Булакъ Темиръ убѣжа“ (Софійскій временникъ, изд. *Отрочимъ*, ч. I, стр. 342). Рѣка Сундовитъ течетъ изъ Нижегородскаго уѣзда чрезъ Книгининскій и Макарьевскій и впадаетъ въ Волгу у знаменитаго села Лыскова, близъ устья видны слѣды стараго города. Мѣстность около рѣки вполне, какъ видно, заслуживала свое названіе.

Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ названіяхъ, начиная отъ Согдіанскихъ камней, крымскаго Сугдая, казанскихъ Сундарей, аквитанскихъ Суднеговъ, венеціанскаго Sontium, до балтійскаго Зунда, въ основаніи лежитъ татарскій Сундукъ, то

есть, образованіе изъ проливовъ, гаваней, устьевъ рѣкъ, тѣснинъ, узкихъ проходовъ среди низменныхъ, болотистыхъ мѣстностей, въ прямомъ смыслѣ слова, сундуковъ. Сближеніе Сундука и Синдика похоже на плохую шутку; но отвѣтственность за плохую эпиграмму лежитъ вполне на господахъ de la Trau, далеко опередившихъ современную сравнительную филологію, подписываясь то Syndicus, то Soudik, то Soldan, то Soudan. Syndicus, адвокатъ, повѣренный, сборщикъ податей, находится въ филологически необъяснимой связи съ сундукомъ, и титулъ его уравнивается въ южной Франціи въ XIV столѣтіи съ титуломъ солдановъ и судановъ. Не слѣдуетъ забывать, что титулъ суданъ принадлежитъ преимущественно египетскимъ правителямъ, находившимся въ постоянной связи съ сродниками своими Черкесами, въ которыхъ сыновья судановъ посылались на воспитаніе. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что титулъ султана дается въ Персіи простому капитану. При этомъ не излишне напомнить арабскій глаголъ „салитъ“ господствовать и арабское слово „сукъ“ въ значеніи торговаго мѣста, рынка. Въ „Каспій“ (стр. 9) упоминается рѣка Сундъ или Сумбаръ въ Турменской степи (въ указателѣ при этой статьѣ ссылка на *Бларамберта*, Стат. Обзор. 257, и *Бодэ*, *Quelques arégeois*, стр. 37). Знаменательно и названіе хребта Сундукъ-Шикень, чрезъ который „птица съ трудомъ могла пробраться, и даже вѣтеръ не могъ пройти въ Джурджанъ“. Сундукъ-Шикень обозначаетъ ломъ сундуковъ вслѣдствіе трудностей перехода, а весьма можетъ быть, и въ смыслѣ валома сундуковъ грабителями.

Диффенбахъ въ своемъ Готескомъ сравнительномъ словарѣ, предполагаетъ довольно произвольно корневую связь между Sund, проливъ, и schwimmen, плавать (№ 198 подъ буквою S) съ ссылкой на Sumpf, болото. При сличеніи словъ, собранныхъ этимъ неутомимымъ наблюдателемъ (№ 28, въ той же буквѣ S), трудно сомнѣваться, чтобы Sund не принадлежалъ къ литовскому, прусскому: Sundis род. падежъ, Sunda винит. пад., Sedit наказывать, лит.—Sudas, лет.—Sóds, пол.—Sad, русск.—Судъ, церк.-слов.—Садъ; по эстски Sundma, Sunni, Sundja, судить, сужу, судья, Sundiama, Zwang zwingen; на лапландскомъ языкѣ Sunde, Vogt, начальникъ. Ко всему этому Диффенбахъ замѣчаетъ: „formell steht Sunde № 130 näher“, то есть, къ Sunnis, Sunja, правда, на готескомъ языкѣ. Это готеское нарѣчіе и существительное въ обоихъ значеніяхъ соотвѣтствуютъ русскому „право“, германскому recht; а это снова приводитъ къ формамъ на разныхъ германскихъ нарѣчіяхъ, Sunde, sundia, Sunde —

грѣхъ; на древне-фризскомъ языкѣ *Sonde* и *Sende*, также грѣхъ, а *Sone* и *son*, *sühne*, искупленіе. Диффенбахъ замѣчаетъ, что эстонское *Sünd*, *Sü* и финское *Sü*, долгъ и причина, не находятся въ сродствѣ съ германскимъ *Sünde*. *Sühnen* глаголъ, обозначающій искупленіе, покаяніе, какъ будто протестуетъ противъ этого рѣшенія; также *Sunt* (по готески), вѣрпкій, и *gesundt*, здоровый, на языкѣ Самоѣдовъ—*soen*, пополняютъ соотвѣтственность германскихъ формъ съ формами литовскими, славянскими, финскими и татарскими въ значеніи суда, кары, господства и вѣрности. *Sund*, здоровый, можетъ происходить прямо отъ финскаго, *sundu*, заговоръ отъ болѣзни, напасти. Диффенбахъ предпочитаетъ даже, какъ мы видѣли, согласовать *Sund*, проливъ, съ *Schwimmen* посредствомъ *Sumpf*, болото. При этомъ сближеніи онъ, однако, не указываетъ на *Sund* въ 32-й и 38-й строфахъ Ригсмалы, гдѣ это слово объясняется плаваніемъ, состязаніемъ въ плаваніи. Самое *Sund* объясняется какъ переплываемый рукавъ моря; др.-в.-нѣм. *sind* и ср.-в.-нѣм. *sint* дѣйствительно обозначаютъ ходъ, направленіе; самое же объясненіе этого слова упражненіемъ въ плаваніи кажется весьма гадательнымъ и основано, вѣроятно, на сближеніи съ греческимъ *Восфоръ*. *Sund* соотвѣтствуетъ нашему выраженію митарство, обозначающему переходы, совершаемые душой послѣ смерти человѣка, а также и заставы, встрѣчаемыя человѣкомъ при его странствованіи по землѣ. Въ двухъ другихъ пѣсняхъ поэтической Эдды *Sund* прямо обозначаетъ проливъ. Въ Геймскринглѣ Снорра Стурлезона Константинопольскій проливъ названъ *Sjavirar Sund* съ вариантомъ *Saevidar Sund*. Словаря прозаической Эдды, кажется, не существуетъ, и мнѣ не удалось найти указанія на значеніе этого названія *Восфора*.

Формы *Sooudaia*, *Sooda*, *Soldaia*, *Sund*, находятся въ томъ же отношеніи, что и *Solum*, *Solanum* и *Sondrum*—то же, что *fundus*, земля, находящаяся въ вѣрностномъ владѣніи. Солнце, *Sonne*, *soleil*, *sol* представляютъ подобный же переходъ буквъ, равно какъ и латинское *salvus* и *salus*.

Въ древней формулѣ древне-германской исповѣди, помѣщенной у Гольдаста (*Regum Alamannicarum* томъ II, 134) и приводимой Кенпеномъ (Собр. слов. памят. нах. вѣв Россіи. С.-Петербургъ 1827, стр. 25) находимъ: *allego minero sunteno, omnia mea rescata, всѣ мои грѣхи, и „sunta ni verleiz“, „offensas non dimise“, „обиждѣ не оставлять“,— въ обоихъ случаяхъ въ значеніи церковно-славянскаго долга: и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.*

Этотъ примѣръ сильно подтверждаетъ, что германское Sünde и по формѣ и по смыслу принадлежитъ къ семьѣ финно-татарской.

Для объясненія слова Sund Дюканжъ ссылается на исторію Шерингама и Глоссарій Шильтера: „a Scythis, Syndis, ita dictae qui a Cimmerico Bosphoro illuc migraverint, Haec Scheringham de Orig. Anglorum. p. 211. Vide Gloss. Teuton. Schilteri“.

Правописаніе Syndi вмѣсто Sindi вводится обоими учеными только для сближенія съ Sund; слишкомъ сильныхъ препятствій къ переходу у въ і для насъ не существуетъ, такъ какъ эти двѣ гласныя у нынѣшнихъ Грековъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно и у древнихъ, точно также, какъ и у насъ, и у Романскихъ народовъ, обозначали одинъ и тотъ же звукъ. Въ Казанской губерніи одно и то же слово прозянотится Сундырь, Съюндерь, Сендерь и Синдарь. Мы находимъ Сунди-ковъ или Судовитовъ около слиянія Оки и Волги и на Нѣманѣ. Стрыйковскій (Kronika Polska, Litewska, Zmodzka Czwzyskiej Rusi, кн. II, розд. IV) приводитъ весьма важную при настоящемъ сопоставленіи замѣтку Еразма Стеллы о Балтійскихъ Судинахъ: „Borussii vero quo a Germanis finitimis tutiores forent se cum Sudinis vel Sudovitis, qui ultra Chronii fluentia sedes habent, ejusque regionis aborigines creduntur societatem iniere, qui tum virtute et pietate plurimum valebant“. Къ этимъ словамъ Стрыйковскій присовокупляетъ: „A Borussowie, izby od Niemcow pogranicznych bezpieczniejszymi byli, z Sundynami albo z Sudovity, ktorzy za Crononem wedtug Ptolomeusa, to jest za Niemnem rzeką, mieszkanie swe mają i w tej kainie s początku swiata ich obywatelmi byc wierzą towarzystwo wzieni, ktorzy natenezas dzielnością rycerską i moznoscia bardziej znaczni byli“.

О Синдахъ, обитавшихъ у входа въ Азовское море, говорится въ Anonymi Periplus Ponti Euxini § 24: „Ab Hermonassa usque ad Sindicum portum Maeotin accolunt Sindi quidam, de quibus Sindica nomen habet. Sindi illi barbari quidem sunt sed moribus mansueti. Hos excipiunt Cercetae dicti Toretae, justa gens et aequa *reique maritimae peritissima*. Conterminam Cercetis regionem Achaei tenent, quos genere Graecos esse et Achaeos barbaros factos appellari ferunt. Etenim prodicunt Orchomeniorum populum Jalmeni regis omni Classe ex Jlio navigantem Tanaidis venti flatibus invitum in Porticam barbaramque hanc regionem delatum esse hinc eos in mores externos degenerasse et improbos crasisse ac Graecis maxime infestissimos; multi vero etiam Cercetis inimici sunt“.

Распространеніе троянскихъ сказаній съ Дона въ Туринію, Фран-

цію, Англію и Скандинавію около начала нашего лѣтосчисленія находится въ тѣсной связи съ поражениемъ морскихъ разбойниковъ Помпеемъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ и прямо совпадаетъ съ слѣдомъ, указываемымъ словомъ *sund*. Объясненіе устья Балтійскаго моря *Sund*, связываетъ это объясненіе и самый разказъ Едды Снора Стурлезона съ свѣдѣніями греческихъ географовъ. Въ томъ же периглѣ § 3: „*Milesiorum colonia, Phasis dicta in quam gentes sexaginta diversis linguis utentes descendere dicunt inter easque etiam ex India et Bactriana barbaros nonnullos advenisse perhibent. Horum in medio est barbara regio Coraxica, quam excipit Colica quae vocatur; nunc ibi Melanchlaenorum et Colchorum gens*“ (въ § 7 упоминается, что Колки называются нынѣ Лазы). Въ концѣ § 3 приводятся стихи, недостающіе въ стихотворномъ Перигисисѣ, приписываемомъ Скимну Хиосскому. Эти стихи напечатаны въ *Fragmenta Histor. Graecorum*, т. V, *F. Didot*. Парижъ, 1870 г., стр. 173.

Движеніе Индѣйскаго и Средне-Азіатскаго племени въ Каспійскому и Черному морю упоминается и въ Перигисисѣ Діонисія, стихъ 695—705:

Hujus autem adortum et septentriones isthmus resedit,
Isthmus Caspii maris atque Euxini.
Eum vero accollit orientalis Iberum gens,
Qui a Pyrenesis olim in orientem pervenerunt
Et cum Pyrcaniorum populo bellum incirunt atrox,
Atque Samaritarum ingens natio, qui Bacchum
Ex Indorum bello exceptum obim hospitio coluerunt,
Et cum Lenis solennem choream duxerunt,
Tunicis et pellibus hinneleorum pectori injectis,
Euoс Bacche exclamantes; deus autem dilexit
Hominum illorum genus terroque sedes.

Камариты эти опять приводятъ насъ въ Индустанъ къ ловцамъ жемчуга и поклонникамъ богини Кумари, жены Сивы, по мнѣнію Лассена *Indische Alterthümer*, I, 158. О мѣстности то хмаръ въ периглѣ Еритрейскаго моря, приписываемомъ Арріану, слѣдуетъ сравнить примѣчаніе къ § 58, 59 по изд. *F. Didot*.

Отголосокъ древнихъ пѣсень въ честь индѣйскаго Вахка весьма можетъ быть слышится еще и нынѣ у насъ въ знаменитой Камаринской пѣснѣ. Велькеръ видитъ даже въ пригвѣвѣ ай-люли, сохранившемся у Славянъ и у Басковъ воспоминаніе о всемірномъ Лигѣ, Манеросѣ Египтянъ, также упоминаемомъ въ вышеупомянутыхъ стихахъ. Идея Велькера подтверждается до нѣкоторой степени

разгубною литовскою пѣснью въ честь „ligo“ — слово, постоянно повторяемое въ пѣснѣ — и въ припѣвѣ къ ней (*Kruse, Urgesch. des Estn. Stammes, 42*).

Мѣстность то ~~хорар~~—нынѣшній Comogin на оконечности Индустана; впрочемъ, географы скорѣе расположены видѣть въ древнемъ Комарѣ Comogin, Samogin, мѣстъ на оконечности Индостана, Калимере, лежащій немного на востокъ. Мѣстность, носящая это названіе, обнимаетъ всю южную часть Индустана. Ибнъ-ель-Варди называетъ всю южную часть индѣйскаго полуострова Комаръ. Вакуви говоритъ, что въ знаменитомъ индѣйскомъ городѣ Комаръ запрещено вино и всякій развратъ. (*Notices et Extraits des Map. Paris, 1789, томъ II*). Кстати здѣсь замѣтить, что приморская часть Индѣйскаго Синда носитъ названіе Алъ-Ланъ (тамъ же, стр. 45). Ибнъ-ель-Варди же раздѣляетъ весь Индустанъ на сѣверный — Синдъ, средній — Гиндъ и южный — Комаръ.

Кромѣ повторенія въ Индустанѣ и на Азовскомъ морѣ тѣхъ же названій: Хазаре, Татаръ-Хазаре (см. ниже), Синды, Ал-Лане приморскіе Синды на Индусѣ и тѣ же Ал-Лане вмѣстѣ съ Синдами на берегу Азовскаго моря, Массуди упоминаетъ могущественную династію въ Индіи, носящую преемственно титулъ Balhaga, и войско ховарскаго кагана Lagiciueh. Массуди называетъ Балгару (*Les praigies d'or, I, 162, 177, 372, 381, 382*) могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ индѣйскихъ царей; большая часть индѣйскихъ владѣтелей при молитвахъ обращаются лицомъ къ нему и при появленіи его пословъ обращаютъ къ нему свои молитвы; онъ владѣтель города Ель-Менкиръ, бывшаго до перваго Балгары центромъ всей Индіи; столица его въ 80 фарасанговъ Sindi отъ моря. Войска его и слоны безчисленны. Владѣнія его называются землею Кемкеръ. Монету ихъ составляютъ драхмы, называемыя *masiric*, и равняются одной драхмѣ съ половиной. Трудно сомнѣваться, чтобы городъ и страна Волжскихъ Волгаръ не были колоніей этого могущественнаго индѣйскаго царя, покровительствовавшаго; какъ говоритъ Массуди, мусульманамъ (382). Языкъ Синдовъ различенъ отъ языка Индіи, находящейся болѣе на востокѣ. Синды пограничны съ землями мусульманскими.

Языкъ, на которомъ говорятъ въ Менкирѣ, столицѣ Балгарскаго царства, называется Kigiah, по принадлежности этого языка странѣ Кагаһ. По берегу же, а равно и въ Саймурѣ, Субарагѣ и Талагѣ, говорятъ на языкѣ, называемомъ Lagi. Эти страны называются по сосѣдству съ моремъ Lagewi; рѣки весьма значительныя, находящіяся

въ ихъ странѣ, текутъ всё на сѣверъ. Море Lagewi или Lagъ начинается при выходѣ изъ Персидскаго залива, оно — самое бурное изъ всѣхъ морей, коихъ совокупность называется Абиссинскимъ (тамъ же, стр. 333). Эта мѣстность особенно важна при изслѣдованіи связи, существующей между Азовскимъ моремъ и Зундомъ, такъ какъ къ ней приурочиваются древнѣйшія преданія арабскія, находящіяся въ несомнѣнной и очевидной связи съ древнѣйшими сказаніями сѣверныхъ Европейскихъ народовъ. Море Lag для нашей исторіи важно уже тѣмъ, что оно подтверждаетъ указаніе о стремленіи азіатскихъ народовъ къ берегамъ Волги съ Персидскаго залива. Lagiciueh, составляющее мусульманское войско Хозарскаго кагана на Волгѣ, выходцы изъ Хarezеса, по свидѣтельству Массуди (II, стр. 10), вѣроятно получили свое имя отъ вышеупомянутыхъ жителей прибрежій Персидскаго залива. Довольно любопытенъ фактъ, указываемый при этомъ Массуди, что Русскіе и Славяне могутъ поступать въ войско кагана и къ его двору наравнѣ съ мусульманами, Ларисеями.

Хотя пока и не снято, еще запрещеніе съ показанія Табари о тѣсной связи, существующей между Хазарами, Русами и Аланами съ Турками „вслѣдствіе бракосочетанія“, но нельзя не признать важности значенія этого показанія, еслибы даже дѣйствительно оно принадлежало лишь арабскому сократителю. Показаніе это выясняетъ отношенія Русскихъ къ Хазарскому кагану, упоминаемому Массудиемъ. Тѣ же отношенія существовали между Русскими и Половцами. У Осетинцевъ сохранилось доселѣ преданіе, что часть ихъ племени составляютъ Русскіе.

Византійскіе историки и географы называютъ Руссовъ Таврами, а Левъ Діакоуъ прямо говоритъ, что Руссы есть простонародное названіе Тавроскинеовъ. Патріархъ Фотій въ Вespѣдахъ своихъ говоритъ, что Руссы — народъ темный, бѣдный, приходящій въ Константинополь для молотбы хлѣба. Везимянный продолжатель Константина Порфирогенита называетъ *киримиу русскою азбукою*. Этими данными опредѣляется, что разумѣли Византійцы подъ именемъ Руссовъ — слово или народъ. Луитпрандъ говоритъ, что тотъ народъ, котораго на западѣ называютъ Норманами, извѣстенъ Грекамъ подъ именемъ Руссовъ. Такимъ образомъ завязка столѣтняго софизма заключается въ томъ, что весьма опредѣленное, племенное названіе многочисленнаго племени Русскаго отвергается, а неопредѣленнымъ Сѣверянамъ — Норманамъ придаютъ опредѣленное племенное значеніе. У германскихъ лѣтописцевъ весьма часто упоминаются Норманы вмѣ-

стѣ съ Датчанами и Руссами, — то принимая ихъ за одинъ народъ, то весьма опредѣленно обозначая ихъ какъ отдѣльные народы. Поэтому Варяго-Руссовъ за моремъ можно безошибочно искать между Эльбой и Двиной, гдѣ мы и находимъ Руссовъ, упоминаемыхъ въ этой мѣстности даже и въ относительно позднѣйшее время. Въ житіи епископа Бабенбергскаго Оттона, составленномъ Эббономъ, говорится о войнахъ Рутеновъ со Штетинцами подъ 1127 годомъ; а въ житіи того же епископа, составленномъ Гербортомъ, упоминаются Рутены по поводу ихъ сношеній съ тѣми же Штетинцами. Г. Авг. Велевскій предполагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о Ругіяхъ (*Monumenta Poloniae Historica*, I, 1872, стр. 60—68, 128); но такъ какъ слово *Rutheni* встрѣчается весьма часто у обоихъ писателей, то едва ли позволительно замѣнять это слово болѣе сомнительными Ругіями. Это исправленіе тѣмъ болѣе бесполезно, что продолжатель Региноновой лѣтописи называетъ великую княгиню Ольгу королевою Ругійскою (*Карамзинъ*, I, пр. 381). Попъ Юрко Крижаничъ признаетъ Ругіевъ также за Руссовъ, считая Одоакра Русскимъ.

Не понятно, почему А. А. Котляревскій (Книга о древн. и ист. Поморскихъ Славянъ. Прага, 1874, стр. 28 и 92), признавая за Балтійское Поморье то мѣсто, откуда пришли Варяго-Руссы, переводить въ житіяхъ Оттона *Rutheni* Руянами, тогда какъ эти свидѣтельства Эббона и Герборда прямо указываютъ на элементъ литовско-русскій, который единственно имѣетъ историческое значеніе при обсужденіи вопроса, откуда вышли Варяго-Руссы. Руссы датскіе слишкомъ смѣшаны съ Норманами въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ, чтобы возможно было себѣ вполне уяснить отдѣльность Скандинавскаго и Русскаго племени. Наоборотъ, языкъ древнихъ Пруссовъ такъ близокъ къ языку русскому, что невозможно не признавать ближайшихъ отношеній между Русскимъ племенемъ и Прусскимъ. Распространеніе Русскаго племени въ Пруссіи фактъ несомнѣнный. Въ прусской граматѣ 1233 года встрѣчается русскій неводъ какъ обычное названіе: *Si vero major fuerit, quocumque instrumento in eo piscari voluerit ad commodum duntaxat mensae suae, praeter rete, quod Neuvod dicitur, habeat liberam facultatem* (*Charta Hermanni Ord. Militum Prussiae Magistri*; an. 1233. App. ad gloss. Med. et Inf. Latinitatis въ приложеніи къ греческому словарю Джанжа). Неводъ — слово русское и у Литовцевъ необычно; форма неводъ встрѣчается также и у Чеховъ. Объ отношеніи невода къ Русскому племени см. изслѣдованія Бера о рыболовствѣ.

Въ германскихъ лѣтописцахъ упоминаются сѣверные и южные Датчане какъ два отдѣльныя общества. Для насъ особенно важны тѣ изъ нихъ, которые поселены на Западной Двинѣ и отличались быстротою хода. Несомнѣнно это тѣ самые Датчане, которые называются Вѣгунами, Дромитами, а сіи послѣдніе тождественны съ Тарро-Руссами Византійцевъ. Въ пріэльбской странѣ въ англо-саксонской пѣснѣ упоминаются Muggingi, которые суть тѣ же Дромиты-Ахиллесовы Мирмидоны (Болгаре Іоанна Малала); а по Нестору Варяжское племя—Мурмане. Обозначеніе Варяжскаго, Датскаго, Норманскаго племени Руссовъ указываетъ на сродство съ ихъ современными ходебщиками, Ворягами, и противъ этого мало могутъ помочь въ полномъ смыслѣ слова отвлеченные, долгіе *азы*. Затѣмъ остается прослѣдить въ Эддѣ Снорра Стурлезона, какія племена составляли ту торгово-героическую общину, которая воспѣвается въ пѣсняхъ Эдды. Община эта вышла подъ предводительствомъ Одина съ береговъ Дона, послѣ пораженія Помпеемъ въ 70 году до Р. Х. морскихъ разбойниковъ. Два главныя племени, упоминаемыя въ Эддѣ, суть Авіамени Турки и Ваны (Славяне). Эта община морскихъ разбойниковъ изображается въ Эддѣ какъ сборъ чернокожниковъ и кудесниковъ, а потому совершенно основательно Анонимъ Раввенскій, ссылаясь на готскаго философа Маркомира, называетъ эту общину ученѣйшею (*Крузе*, стр. 449) Титулъ (*doctissimi*) дается Анонимомъ тѣмъ Датчанамъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ съ Норманами и землю ихъ называютъ Даніей, то-есть, землю Датчанъ, а живущихъ на Двинѣ называютъ Данами; притомъ Анонимъ говоритъ, что послѣдніе отличались быстротою хода. Названіе Данія и Датчане по-русски и Дончичи по-польски вполнѣ разъясняютъ разногласіе латинскихъ средневѣковыхъ писателей, употреблявшихъ названія Данія и Дакія одно вмѣсто другого. Въ русской лѣтописи встрѣчается названіе Донія. Дончикомъ въ болгарской исторіи Трои названъ Мирмидонъ Патрокль. Это смѣшеніе Донцевъ и Даковъ соответствуетъ показанію Іорнанда, что въ числѣ Готскихъ народовъ слѣдуетъ считать Гетовъ и Даковъ. Слово *Godi* на норренскомъ языкѣ обозначаетъ служителей Бога, то-есть, людей Вожиныхъ, и имя это переходитъ на нѣкоторыя шведскія области и на островъ Готландъ. Дружина Одина, дружина воинская, торговая, но прежде всего, какъ видно изъ обѣихъ Эддъ, дружина Маговъ; Маджусами называютъ арабскіе писатели Двинскихъ Дановъ, и весьма вѣроятно, исчезнувшихъ съ лица земли Прусовъ. Передвиженіе племенъ съ Дона и Дуная вслѣдствіе побѣдъ Помпея на Азов-

скомъ морѣ и императора Трояна на Дунаѣ упоминается въ исторіи. Выше приведено было объясненіе о происхожденіи имени Сунда, вслѣдствіе заселенія выходцами съ Азовскаго моря Синдами, а эти Синды, по указанію Перипла, приписываемаго Арріану, были выходцами съ устьевъ Индуса. Плиній говоритъ о двухъ Индѣйцахъ, задержанныхъ на берегахъ Сѣвернаго моря и доставленныхъ королемъ Шведовъ римскому проконсулу въ Галліи. У другого римскаго географа Мела, въ такой же цитатѣ Корнелія Непота, вмѣсто *rege Suevorum* находится *rege Bastorum*, вѣроятно вслѣдствіе ученаго исправленія вмѣсто *Baltorum*, такъ какъ *Baltorum* не могло быть допущено въ I столѣтіи по Р. Х. Риттеръ не сомнѣвается, что эти Инды были черноморскіе Синды или индѣйскіе торговцы, поднявшіеся по Волгѣ въ Балтійское море. Самое указаніе года, въ которомъ случилось это любопытное плаваніе, бросаетъ яркій свѣтъ на весь вопросъ о нашемъ древнемъ торговомъ пути въ Азію и блистательно подтверждаетъ достоверность разказа Снорра Стурлезона о томъ, какъ Одинъ съ своими ватагами поднялся на западъ внутрь Россіи, а оттуда на югъ, къ Дунаю, въ приальбскія страны. Трудно сомнѣваться, чтобы эти два Индѣйца, явившіеся въ 58 году до Р. Х. на Сѣверномъ морѣ, не были соглядатаями, высланными тою морскою общиною, которая была разорена Помпеемъ на Азовскомъ морѣ въ 70 году до Р. Х. Въ *Heimskringla* Одинъ, пройдя съ Дона въ Саксовію, а оттуда въ Фіонію, посылаетъ Гефіону развѣдать земли на сѣверѣ. Финскій король *Gylfi* даруетъ землю и беретъ, вѣроятно въ залогъ, тѣхъ двухъ Индѣйцевъ, о которыхъ говоритъ Корнелій Непотъ. По сопоставленію годовъ Одинъ ходилъ по Россіи и Германіи 12 лѣтъ, отъ 58 по 70 годъ. Въ сагѣ упоминается, что Одинъ не твердо зналъ путь Азіямановъ. Дорогой онъ могъ захватить торгующихъ Азіямановъ или странствующихъ Цыганъ, хорошо знавшихъ торговые пути. Въ предисловіи (*Fogtali*) къ Эддѣ, Снорръ Стурлезонъ говоритъ, что Одинъ велъ съ собою жителей Азій, употреблявшихъ свой туземный языкъ. Пройдя по дорогѣ Азіямановъ, называвшихся прежде *Aesir*, Одинъ основываетъ на самомъ Зундѣ городъ Сигдуну, поставивъ двѣнадцать старшинъ и устанавливаетъ тѣ же права, кои существовали и прежде по обычаю Турокъ (*Turkir*) въ Троѣ. Что эти Турки не придуманы самимъ Снорромъ Стурлезономъ, это видно изъ того, что Аре Фроде въ *Islandigabok* называетъ Ингви родоначальника древнѣйшей династіи Инглинговъ, сына Нюрдра — *Turkja Konungr*.

Въ пѣснѣ *Gylfaginning* странствующая богиня Гефіона названа

гулящую женщиною, получившей отъ Gylfa, за доставленное ему развлечение, соху земли. Она запрягла въ плугъ четырехъ воловъ, ея же прижитыхъ съ финскимъ великаномъ, и оторвала отъ материка нынѣшній островъ Зеландію. Конформація этого острова объясняетъ примѣненіе миеа къ мѣстности. Самый же миезъ кажется какъ будто въ родствѣ съ миеомъ о Дидонѣ, Геркулесѣ и Геріоновыхъ волахъ. Подобное же воспоминаніе доселѣ сохранилось у Осетинцевъ, разсказывающихъ, что они свою землю получили, промѣнявъ на нее женщину, полюбившуюся иноплеменному князю. Гефіона, гулящая женщина, царица морская, забавлявшая Финскаго цара, вѣроятно Цыганка, Sinthe, ворожея, подосланная для развѣдыванія положенія дѣла: военная хитрость, доселѣ употребляемая разбойничьими шайками, подсылающими ворожей, знахарей, разнощиковъ и другихъ проходивцевъ, чтобы развѣдать обстоятельно положеніе дѣла въ той мѣстности, которую они желаютъ ограбить. Изъ табора Гефіоны Gylfi могъ легко послать къ Римлянамъ двухъ Цыганъ, Синтовъ, въ видѣ курьеза, или чтобы ближе узнать, чтѣ кроется въ этомъ необычномъ посѣщеніи Балтійскаго моря выходцами изъ Азіи. Gylfi не довольствуется отправкой двухъ Индѣйцевъ къ римскому проконсулу, чтобы ближе познакомиться съ Азами и узнать, въ чемъ заключается ихъ сила. Gylfagiuning излагаетъ въ видѣ разговора, какъ Gylfi, преобразовавшись въ старика и назвавшись ходебщикомъ (Gangleri), отправляется въ Асгардъ, перенесенный на Балтійское море. Азы, зная напередъ о его приходѣ, проводятъ его, представивъ ему волшебную обстановку, въ разговорѣ съ нимъ излагаютъ происхожденіе міра, похождения своихъ боговъ, и по окончаніи разговора, вся волшебная обстановка съ трескомъ исчезаетъ, и Gylfi остается одинъ среди безлюдной степи. По возвращеніи въ отечество свое, онъ передаетъ разказъ, излагаемый и въ другихъ частяхъ Эдды.

Gylfagiuning представляетъ наглядно переходъ миеовъ изъ одной мѣстности въ другую. Миезъ этотъ приспособленъ къ самой мѣстности — острову Зеландіи и озеру Венеру; по завладѣніи этою частью полуострова Датчанами, миезъ былъ перенесенъ Шведами на озеро Меларъ, хотя оно вовсе не соотвѣтствуетъ указаніямъ самаго миеа. Дочь Gylfi вышла замужъ за сына Одина, Сигурлами, короля въ Гардарикѣ, то-есть, Россіи. Это указаніе Эдды намекаетъ на то, что, по мнѣнію скальдовъ, въ одной части Россіи Одинское ученіе, то-есть, посмертное житіе богатррей, существовало до Р. X., въ чемъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Эдда говоритъ, что ученіе это суще-

ствовало во всемъ мірѣ съ измѣненіемъ имени боговъ. Что въра-
зничниковъ заключалась именно въ поклоненіи и вѣрованіи въ посмерт-
ное житіе предковъ и ихъ вліяніе на жизнь, на то находится весьма
много указаній въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ язвничиковъ
и упоминается уже Гезіодомъ. Семнадцать Сундарей, находящіяся въ
Казанской губерніи, суть вѣроятно слѣды, оставленные этимъ или
весьма сроднымъ ему обществомъ. Изъ Эдды видно, что общество
это послѣ пребыванія въ Россіи отправилось на Дунай, Эльбу, въ
Швецію и Англію. Желаніе германскихъ ученыхъ вездѣ отыскивать
Германское племя, совершенно извратило свидѣтельства греческихъ
писателей отъ Евсевія до Никифора Григоры, постоянно упоминаю-
щихъ о Скивахъ вмѣсто Готевъ, которыхъ и Юрнандъ отождеств-
ляетъ съ придунайскими Гетами. Никифоръ Григора (книга II, въ
ст. о Скивахъ) весьма обстоятельно по поводу вторженія Турокъ го-
воритъ, что передвиженія народовъ, разорявшихъ Римскую имперію,
были производимы Скивами вмѣстѣ съ Галлами, Кельтами, Климврами
и Тевтонами. Юрнандъ весьма положительно и съ досадою замѣчаетъ,
что языкъ Ульфилы принадлежитъ незначительному Готескому племе-
ни. Взглядъ писателя XIV столѣтія на движеніе народовъ, потряса-
ющихъ Римскую имперію въ теченіе болѣе десяти столѣтій, весьма
важенъ по непрерывности имѣвшихся въ Константинополѣ по сему
предмету самыхъ положительныхъ свѣдѣній. Сильно поноситъ этого
превосходнаго греческаго писателя академикъ Куникъ за то, что онъ
упоминаетъ о Русскомъ князѣ временъ Константина Великаго: „Не
столь простодушно-романтически, какъ Манассесъ, поступилъ про-
заникъ Никифоръ Григора († послѣ 1359 года): онъ не затруднился
прибѣгнуть къ грубой лжи. Въ его время на Аѳонскомъ акрополѣ
развѣвалось знамя Французскаго герцога (doux, grand site), который,
конечно, не могъ управлять безъ западно-европейской придворной
обстановки. И вотъ у нашего греческаго патриота Русскій князь
(ὁ Ρωσικός) уже при императорѣ Константинѣ Великомъ († 337 г.)
занимаетъ должность стольника, чтобы двору его придать большій
блескъ. Какъ жаль, что Григора забылъ привести нима этого пра-
славянскаго оберъ-кухмистра. „Тріе мы суть“, говоритъ Соломонъ
въ притчахъ своихъ (XXX, 18, 19), — „невозможная уразумѣти и
четвертаго не вѣмъ: слѣда орла паряща, и пути змія по камени,
и стези корабля плывущи по морю и путей мужа въ юности“. Еще
труднѣе прослѣдить логическую связь между знаменемъ французскаго
герцога, развѣвавшимся на Аѳонскомъ акрополѣ и русскимъ стольни-

комъ при дворѣ Константина Великаго. Существованіе скинскаго легиона въ Римской имперіи достаточно извѣстно, и потому появленіе русскаго военначальника въ IV столѣтіи не можетъ быть вещью особенно изумительною.

Имя „праславянскаго кухмистера“ Императора Константина Великаго отыскать не трудно: это финикійскій воевода, *Vadomaricus, dux Phoenices*, упоминаемый въ *Notitia utraque Dignitatum cum Ortu Occidentis*. G. Paniciroli Lugduni 1608. Аммианъ Марцелинъ называетъ одного бывшаго герцога или короля Аламановъ Вадомара, посланнаго императоромъ Валентомъ въ 366 году, съ осаднымъ корпусомъ, чтобы взять Nikeю, захваченную Румиталкой. (Ср. конецъ статьи *В. Г. Васильевскаго* въ декабрьской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* за 1875 г.). Имя воеводы весьма близко къ славянскимъ: Владиміръ, *Waldemar* и Водимиръ. Переводчикъ Златоструя. Иоанна Златоустаго въ XII вѣкѣ переводилъ *Θωμάς Ρους*, такъ что Никифоръ Григора имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать его Господиномъ Русскимъ. Весьма можетъ быть, что выраженіе *Ρουσαγъ*, въ значеніи державы и державный, встрѣчаемое въ двухъ болгарскихъ притчахъ о разореніи Трои, изданныхъ Миклошичемъ и Пшчинимъ, есть лишь воспоминаніе титула „*dux Phoenices*“, начальнича илирійскихъ и франкскихъ войскъ на границѣ Аравіи.

Никифоръ Григора, въ VI книгѣ, въ статьѣ объ императрицѣ Иринѣ по поводу отказа герцога Аенскаго выдать свою дочь за ея сына Θεодора, распространяясь о латинской феодальной системѣ, къ коей императрица имѣла наклонность, говорить, что и въ прежнія времена князья разныхъ народовъ получали имперскіе титулы: „*Ac olim Principes Parthici, Persici et alii undecunque orti, alii aliis nominibus appellati sunt; Magni autem Constantini temporibus Rossicus locum et dignitatem Dariferi Peloponesiacus Principis Atticae*“ etc.

Рѣшительно нѣтъ никакой возможности добраться до отношенія между должностію стольника, которую занималъ Русскій князь при дворѣ императора Константина, и о которой упоминаетъ между прочимъ Никифоръ Григора, и составомъ двора французскаго герцога въ Аеннахъ, о коемъ Никифоръ Григора не только не упоминаетъ, но и видимо не думаетъ. Угадать связь сопоставленія, возбуждавшаго негодованіе А. А. Куника, невозможно; остается предположить, что ему припомнился чей-то гнѣвъ по поводу упоминаемаго Русскаго князя. Дюканжъ дѣйствительно былъ взволнованъ анахронизмомъ Рамнусій въ исторіи своей о взятіи Константинополя (*Pauli Rham-*

nusii de bello Constantinopolitano. Venetis 1604 стр. 143) по поводу милостей и раздач удѣловъ императоромъ Балдуиномъ, приводитъ, между прочими древними примѣрами, и назначеніе Константиномъ Великимъ русскаго господара (Rossicus Dominus id est qui feudum haberet) Даннферомъ. Но ни Рампусій, ни Никифоръ Григора вовсе не упоминаютъ при этомъ о назначеніи французскаго герцога въ Аѳини, и еще менѣе о составѣ его двора.

Слѣды движеній азіатскихъ народовъ изъ Средней Азіи въ Европу, движеній торговыхъ и религіозныхъ, весьма замѣтны въ исторіи до и послѣ побѣдоносныхъ хожденій Александра Великаго. Послѣ него міръ замѣтно измѣняется, и изъ греческаго классическаго становится все болѣе и болѣе азіатскимъ. Движенія, упоминаемая въ Периплахъ, относятся къ эпохѣ весьма отдаленной, къ переходу Вакхадіониса, то есть, его ученія, изъ Азіи въ Европу. Эпоха эта однако не совершенно мненческая и находится въ связи съ разказами о царѣ Мидасѣ и Силегѣ въ мифѣ, повторяемомъ въ сказкѣ о Соломонѣ и Китоврасѣ, и съ распоряженіями Китайскаго императора Лоа о просвѣщеніи народовъ, что было извѣстно Массуди. Въ прямой связи съ этими азіатскими движеніями, но уже съ Дона до сѣверозападныхъ оконечностей Европы, сохранились слѣды въ сказаніяхъ скандинавскихъ и англо-саксонскихъ. Послѣ разбитія Помпеємъ пиратовъ по всемъ южнымъ морямъ, Одннъ уходитъ съ Дона внутрь Россіи, проникаетъ къ Дунаю, занимаетъ Турингію, сборища его развѣтвляются и садятся въ Данин, въ южной оконечности Швеціи и Англіи. Въ сказаніяхъ исландскихъ и саксонскихъ сохранились обстоятельныя и весьма согласныя слѣды этого движенія. Не даромъ говорить Веда (V. II.): *habent ante qui saxones satrapas plurimos suae prorsitos*. Вообще скандинавскіе и еще болѣе англо-саксонскіе гѣтописцы признаютъ Нормановъ за Турокъ. (*Langebec. Scrip. Reg. Dan. II. 35 и сл.*)

Въ отрывкѣ XIV вѣка, напечатаномъ въ XI томѣ *Scripta Historica Islandorum Hafniae 1842*, стр. 327 § 9, читаемъ: „*Omnes relationes linguae boreali servatae, quae quidem aliquibus argumentis nitantur, a Tyrcorum et Asianorum in orbem septentrionalem immigratione repetuntur. Quam ob rem magnam habet probabilitatem, hanc linguam, nobis Septentrionalem dictam, ab eis in has orbis borealis partes introductam fuisse; quae lingua in Saxonia, Dania, Suecia, Norvegia et aliquanta Angliae parte viguit*“. Эта догадка грѣшитъ уже тѣмъ, что упоминаемые языки весьма далеки другъ отъ друга, но весьма можетъ быть, что

нѣкоторые изъ племенъ, удалившихся на сѣверъ послѣ погрома римскаго, принадлежали къ племенамъ: Литовскому, Кельтскому, Персидскому или Турецкому, Норренскому. Свѣдѣнія древнихъ о Кимбрахъ, обитавшихъ на Азовскомъ морѣ и странствовавшихъ по Азіи и Европѣ, весьма схожи съ преданіями, сохранившимися въ Эддѣ, и съ преданіями валійскими и англо-саксонскими. Связь между Бретонскими племенами и Средне-азиатскими самымъ поразительнымъ образомъ высказывается въ преданіяхъ и ученіи о Грагѣ. Въ сказаніяхъ Франковъ движеніе это повторяется въ позднѣйшую эпоху при императорѣ Валентиніанѣ, но съ положительнымъ указаніемъ на ту же мѣстность и на ту же среду—Турецкую. Весьма близки къ германскому Асцибургъ упоминаемые Страбономъ *Ascoroosatos*, обитающіе вмѣстѣ съ Синдами на Азовскомъ морѣ.

Въ Эддѣ Снорра Стурлезона весьма обстоятельно и опредѣленно говорится о переходѣ азиатскихъ Турокъ и Вановъ, признаваемыхъ за Славянъ, съ Азовскаго моря на Балтійское. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, взаимно другъ друга подтверждающихъ, никакого нѣтъ основанія, чтобы прибалтійскіе Руссы и даже жители Рослагена были именно шведскаго или германскаго происхожденія. Руссы эти могли быть Славянами, Кельтами, Литовцами, Финнами, Турками, Индѣйцами, Финикійцами, также выходцами, по свидѣтельству Геродота, съ Ернерейскаго моря, какъ и Синды. Эдда прославляетъ борьбу и дѣянія Турокъ, Славянъ и Финновъ; судя по языку Эдды, слѣдуетъ предполагать значительное участіе Датчанъ и Норреновъ, но не Шведовъ. Германскіе лѣтописцы, самые надежные свидѣтели, весьма ясно говорятъ, что Руссы жили, вмѣстѣ съ Норманами и Данами, между Эльбой и Западною Двиной. Большой вѣсъ придаютъ тому факту, что Финны называютъ Шведовъ *Ruotsi*; это названіе Шведы могли наследовать отъ Славяно-Русскаго племени, занявшаго шведское побережье. Съ точки зрѣнія скандинавской теоріи противъ этого ничего нельзя возразить, ибо она сама утверждаетъ, что имя Руссовъ мы получили въ наследство отъ Шведовъ. Самое могучее изъ Германскихъ племенъ унаследовало свое названіе отъ Литовскихъ Пруссовъ. На присутствіе Русскаго племени и именно Литовско-Русскаго указываетъ финская пѣснь, содержаніе коей съ извлеченіями въ нѣмецкомъ переводѣ сообщено покойнымъ Кастреномъ въ его *Vorlesungen über die Finische Mythologie*, стр. 326 изданныхъ въ 1853 академикомъ Шифнеромъ. Солнцевичъ, родившійся близъ Сѣвернаго полюса, сватается къ дочери великана. Дочь помогаетъ обмануть слѣпаго отца, требу-

щаго доказательствъ силы жиника. Молодые уходятъ моремъ. Возвратившіеся братья; узнавъ о выходѣ сестры за Солнцевица, гонятся за нею. Дочь великана волшебными средствами поднимаетъ на морѣ бурю. Братья обращаются въ истукановъ, доселѣ видимыхъ на Лофоденскихъ островахъ. Молодая жена рождаетъ племя богатирей; весьма быть можетъ съ помощью цесарскаго свѣченія, находящагося въ связи съ учениемъ о не рожденныхъ богатыряхъ:

Auf einer Bärenhaut, auf dem Fell
Einer zweijährigen Rennthierkuh
Wiegte man die Braut
Fast zur Menschengrösse.
Die axt aus ihrer Kiste
Erweiterte die Thüren,
Vergrösserte die Stube;
Sie gebar die Kallassöhne.

Вслѣдъ за этими стихами сказано, что родъ этотъ исчезъ изъ Швеціи, съ убіеніемъ одного холостаго сына, и одна вѣтвь расширилась на русской сторонѣ, а другая—на югъ позадн Датчанъ и Ютовъ:

Das Geschlecht ging aus in Schweden
Mit den erschossenen unverheiratheten Sohn;
Ein Zweig breitete sich aus zur Russischen Seite,
Ein anderer nach Süden
Hinter den Dänen und Iuten.

Академикъ Шифнеръ по моему просьбѣ сообщилъ мнѣ шведскій текстъ послѣдней строфы, за что я приношу ему здѣсь мою живѣйшую благодарность:

Älten gick ut i Sverige
Med skjutne ogifte sonen
En gren at den Ryska sidan
En annan at söder sig spridde
Bakom Danskar och Iutar.

(Lappisk Mythologic ved I. A. Fvite. Christiania. 1871).

Издатель при этомъ замѣчаетъ, что послѣднія пять строфъ извѣстны только между Лапландцами на рѣкѣ Торнео.

Вариантъ на эти стихи находится въ Om Lapland etc. Издатель Г. Дубекъ (Gustaw Duben) говоритъ, что ему объяснили, что въ нихъ идетъ рѣчь о Карлѣ XII.

Atten slutade i Sverge
Med den, ogift, skjuttne sonnen,
Annan gren at Ryska sidan
Annan at den södra sidan
Bortom Danskar, bortom Iutar.

Невозможно подтвердить всѣ свидѣтельства германскихъ летописцевъ о прибалтійскихъ Руссахъ болѣе опредѣленно даже и прозой. Послѣ поэтическаго указанія на древнія отношенія Русскаго племени къ Полярному морю, мы можемъ привести болѣе документальныя указанія на древнія отношенія Русскаго племени къ морю Азовскому. Явный и значительный намекъ на древнія отношенія Великоорусскаго племени къ Азовскому морю сохранился въ обычномъ у насъ названіи суровскихъ и сурожскихъ товаровъ въ память Сурожскаго моря. Имя Сурожа, обычное въ Россіи, встрѣчается только при дворѣ Аттилы. Аттила, по заключеніи мира съ Римлянами, отправился въ походъ вмѣстѣ съ Вледой противъ Скивовъ и ведетъ войну *соединенными силами* „contra Sorosgos“. Стритеръ по поводу замѣтки греческаго посланника при дворѣ Аттилы Приска приводитъ: „Cantoclarus in Notis ad h. l. p. 200“ „Vide, inquit, num Sogdros“. Уже выше было упомянуто, что Sogdr. форма персидская и обозначаетъ торговыхъ людей. Суровскій товаръ—то же, что красный товаръ, происходитъ отъ персидскаго Сургъ, красный, откуда древнее названіе Судака, Сурожъ. Персіане называли Азовское море Сурожскимъ, Краснымъ, то-есть, Русскимъ.

Александръ Вёрнсъ при переходѣ черезъ Гинду-Кушъ, во второй половинѣ мая 1832 года, отмѣтилъ нѣсколько названій, имѣющихъ важное значеніе для настоящаго изслѣдованія. Здѣсь онъ съ перваго раза знакомится съ горнымъ народомъ Хазаре, изъ коихъ одно племя называется Татаръ-Хазаре. Объ этомъ народѣ, сохранившемъ доселѣ монголо-китайскій типъ, Абуль-Фазель говоритъ, что они занимаютъ всѣ нагорныя пастбища, отъ Балка до Кабула, Газны и Кандагара, и суть остатки джагатайскаго войска, посланнаго Мангу-ханомъ, подъ начальствомъ Никодаръ - Оглу, на помощь къ своему брату Голаму-хану; здѣсь Вёрнсъ находитъ и Хирагъ-Кушей, то-есть, *сѣчечасителей* ¹⁾. Онъ упоминаетъ мѣстечко Syghan, принадлежащее узбекамъ, занимающимся ловлею людей и преимущественно Шитовъ-Гусаръ или Хозаръ. Двоеданники узбеки платятъ подати хану Кабульскому лошадыми, а Кундузскому людьми. Вёрнсъ упоминаетъ здѣсь и Таджикиовъ, то-есть, говорящихъ по персидски. Владѣтель ихъ занимается обращеніемъ собственныхъ подданныхъ въ невольниковъ. Владѣтель этотъ, живущій въ Камурдѣ, отправилъ всѣхъ жителей одного изъ подвластныхъ ему селъ въ качествѣ рабовъ къ

¹⁾ Ср. Замѣчанія на Сл. о плѣху Игоревъ стр. 388.

Кундускому хану; за это ханъ подчинилъ его власти два другія селенія. Проходя послѣднія ущелья Гинду-Куша, караванъ Вёрнса былъ атакованъ Татаръ-Хазарами. Около 30 всадниковъ показались на высотѣ близъ ущелья. Въ караванѣ раздался крикъ: Аламане, Аламане (то есть, разбойники). Благодаря силѣ конвоа, караванъ былъ спасенъ; разбойниками уведено было, однако, два верблюда съ вожатыми. Продолжая путь къ сѣверу, Вёрнсъ прошелъ черезъ ущелье Duga i Zundap, долина темницъ, куда солнце никогда не заглядываетъ, мѣстность, созданная природою, чтобы быть обращенною въ сундукъ, и таковыя сундуки встрѣчалъ Вёрнсъ при переходѣ черезъ Индукушъ неоднократно. Самый завѣтный сундукъ, называвшійся Тубалигъ, нынѣ лежитъ въ развалинахъ съ тѣхъ поръ, какъ разрушенъ былъ Чингисъ-Ханомъ въ 1221 году. Долина Валианъ, гдѣ лежитъ городъ, названный Александромъ Великимъ Александриа „подъ Кавказомъ“: по обѣ стороны долины тянутся горы, изпещренные пещерами, напоминающая собою медовыя соты. Здѣсь нѣкогда жилъ цѣлый народъ троглодитовъ. Пещеры эти приписываются царю Юлау. Этотъ царь Юлау напоминаетъ Ю и Я, посланныхъ Китайскимъ императоромъ для устройства народовъ, пострадавшихъ отъ потопа, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ родоначальника римской династїи Юла. Пруссъ вели древнїе роды отъ Юлія Кесаря и римской фамиліи Китоврасовъ, городъ Юлинь отъ Юлія Кесаря. Китоврасъ азіатскаго происхожденія тождественъ съ Оанессомъ Халдеанъ и весьма похожъ на Я и Ю, посланныхъ Китайскимъ императоромъ для устройства быта жителей низменныхъ мѣстъ послѣ потопа. Весьма можетъ быть, что эти азіатскія легенды, сохранившіяся у Литовцевъ, перенесены были впоследствии на классическую почву Рима. И въ Римѣ тѣ же легенды могли быть также занесены изъ Авіи Троянцами вмѣстѣ съ сказкой Арджи-Варджи о кормленіи Ромула и Рема волчицей, Тубалигъ весьма любопытная мѣстность, въ коей сходятся три торговые пути, называемыя Страбономъ Трѣбов XV, ч. II, § 8. Именно на эту мѣстность, гдѣ сосредоточивались буддизмъ, ученіе Зороастра и Маговъ, Несторіанцевъ и Манихейнъ, указывается, кажется, и въ Бретонскихъ сказкахъ: Константинополь, Индія, Тапробана и Танфана суть синонимы и обозначаютъ завѣтную цѣль походовъ бретонскихъ героевъ. Въ нашихъ сказкахъ эта туманная цѣль выражается варьянтомъ Царьградъ и Индійское царство въ редакціяхъ былинъ о Волхвѣ Всеславичѣ. Танфана сильно напоминаетъ Гапгап-па, какъ эта священная для буддистовъ мѣстность названа въ

лѣтописяхъ китайской династїи Тангъ. Гриммъ говоритъ, что Танфана, божество очага, есть чисто германское созданіе. Но движенія съ запада на востокъ и обратно отъ Персидскаго залива къ Зунду составляютъ жизнь человѣчества. Любопытно, что слово Sind-Hind значитъ на санскритскомъ языкѣ *perpetuum aeternum, perpetuum mobile*, вѣчное движеніе. На норренскомъ языкѣ *sin* значитъ жила и мускулъ, англосаксонское *sinu*, др.-в.-германское *sēnwa*. Сюда принадлежитъ и латинское *sensus, sentire*, нѣмецкое *sinn* и *sehnsucht*; всѣ эти слова обозначаютъ путь, направленіе и стремленіе. Древній торговый путь по Волгѣ былъ дѣйствительно въ древности живою артеріей. Не даромъ, можетъ быть, и названъ въ русской сказкѣ одинъ изъ первыхъ вождей Руссо-Славенскаго племени, пришедшаго на Ильмень, Жло-тугомъ; также довольно знаменательно названіе рѣки, на которой Новгородцы устроили мостъ. Сосѣдство нинѣшнихъ Татаръ-Хазаръ съ Снядами и господство ихъ въ IX столѣтїи въ землѣ древнихъ Синдовъ на берегу Азовскаго моря, въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ господствовали Ал-лане, также упоминаемыхъ какъ приморскихъ Синдовъ на берегу Персидскаго залива, приводитъ къ догадкѣ, что и преемственный титулъ могущественныхъ индѣйскихъ царей Болгара былъ перенесенъ на Волгу (*Maçoudi. Les prairies d'or* texte et trad. par *C. Bardier de Meynard et Pavet de Courteille*. T. I. Paris 1861, стр. 162). Названіе Валгара носили всѣ цари центральной Индіи, существовавшіе до его времени, то-есть, 332 г., а по нашему лѣтоисчисленію до 944 г. Въ концѣ главы, стр. 177, читаемъ: „Le plus puissant roi qui règne aujourd'hui dans l'Inde est le Balhara, souverain de la ville d'el-Mankir; la plupart des chefs de l'Inde tournent leur visage vers lui en priant, et adressent des prières à ses ambassadeurs, quand ils arrivent à leur cour. Les États du Balhara sont entourés par plusieurs principautés. Quelques-uns de ces rois habitent la région des montagnes, loin de la mer; tels sont le Raya, maître du Kachmir, le roi de Tafen et d'autres chefs indiens. D'autres États s'avancent sur la mer et dans le continent. La capitale du Balhara est éloignée de la mer de quatre-vingt parasanges *sindi*, et chaque parasange vaut huit milles. Ses armées et ses éléphants sont innombrables; mais presque toutes ses troupes se composent d'infanterie, à cause de la nature du pays. Un de ses voisins, parmi le rois de l'Inde éloignés de la mer, est le maître de la ville de Kanoudj, les Baourah titre donné à tous les souverains de ce royaume. Il a de fortes garnisons cantonnées au nord, au sud, à l'ouest et à l'est, parce que chacun de ces côtés est

menacé par un voisin belliqueux". „Parmi les rois du Sind et de l'Inde, aucun ne traite les musulmans avec plus de distinction que le Bahara. Dans son royaume l'islamisme est honoré et protégé; de toutes parts s'élèvent des chapelles et des mosquées splendides où l'on peut faire les cinq prières du jour. Les souverains de ce pays règnent jusqu'à quarante, cinquante ans et plus; leurs sujets attribuent cette longévité aux sentiments de justice qui les animent et aux honneurs qu'ils rendent aux musulmans. Le roi entretient les troupes à ses frais, comme le font les princes musulmans. Leur monnaie consiste en drachmes appelées *tahiriych*, pesant chacune une drachme et demie des nôtres; elles portent la date de l'avènement du prince regnant".

Академикъ Кунинъ въ указателѣ къ дополненіямъ, приложеннымъ къ сочиненію академика Дорна (стр. 690), предлагаетъ мнѣ вопросъ: почему Черниговскіе князья въ XII столѣтіи не ходили моремъ на Половцевъ, и на стр. 453 обязательно самъ подсказываетъ мнѣ отвѣтъ: „Тюрскіе Печенѣги и Половцы, особенно съ половины XII столѣтія, все болѣе и болѣе заграждали водный путь по Днѣпру". Къ этимъ словамъ мнѣ остается добавить, что въ то время былъ загражденъ не только путь къ морю по Днѣпру, но и другой — по Дону. Другихъ путей изъ Россіи въ Черное море нѣтъ; одинъ изъ названныхъ путей велъ въ Константинополь вдоль западнаго берега Чернаго моря, а другой — изъ Азовскаго моря къ Требизонду и Синопу. Положеніе Русскаго племени континентальное, и развитію его морской силы во всѣ времена мѣшали двѣ неизмѣнныя причины: континентальныя силы преграждали ему подходъ къ морямъ; когда же Русскіе торжествовали надъ континентальными силами, то весьма понятно, они встрѣчали господство надъ моремъ другой морской державы, помогавшей тѣмъ племенамъ, которыя отрѣзывали имъ путь къ морю. Прежде чѣмъ овладѣть теченіемъ Днѣпра, Волги и Дона, Московское государство должно было сокрушить Казанское и Астраханское царства, а на берегу моря могло удержаться только тогда, когда покорило Крымъ. По уничтоженіи всѣхъ этихъ препятствій, Россія встрѣтила новыя преграды для развитія военнаго и торговаго флота. Развитію торговаго флота, весьма естественно, мѣшало иноплеменное судоходство, имѣвшее за собою нѣсколько вѣковъ процвѣтанія. Кроме того, русскіе капиталы не чувствуютъ пока никакой потребности обращаться въ судостроеніи и судоходствѣ, тогда какъ, наоборотъ, для Амстердама, Гамбурга, Гавра, Роттердама и Лондона существуетъ насущная необходимость строить корабли и отправлять ихъ въ

дальнѣя плаванія. Русское племя надревле встрѣчало неодолимое препятствіе къ плаванію по морямъ: въ древности его составляли греческія колоніи, находившіяся въ союзѣ съ Персидскою монархіею и державшіяся той благоразумной политики, что для удержанія напора варварскихъ племенъ, имъ прежде всего необходимо было, при походѣ Дарія противъ Скивоновъ, обезпечить отступленіе погибавшаго въ степяхъ персидскаго войска. Геродотъ сохранилъ намъ мудрыя соображенія, руководившія черноморскихъ Грековъ при рѣшеніи вопроса: слѣдуетъ ли уничтожить охраняемый ими мостъ на Дунай и тѣмъ погубить ненавистное имъ Даріево войско, или прикрывая мостъ, сохранить персидское владѣтельство, необходимое для обузданія Скивоновъ. Какъ видно, система политическаго равновѣсія придумана не со вчерашняго дня. Послѣ Грековъ господство на морѣ переходитъ въ руки Генуэзцевъ, и до нашего времени судоходство на Черномъ морѣ находится почти исключительно въ тѣхъ же рукахъ Итальянцевъ и Грековъ. Союзъ между азиатскимъ господствомъ и морскими европейскими державами имѣетъ свое начало въ отдаленной древности, точно также, какъ и торговые интересы народовъ. Возможность морскихъ походовъ Олега и Игоря была обусловлена свободнымъ доступомъ къ морю; свободный же доступъ къ морю былъ обезпеченъ дипломатическою способностью Олега и Игоря согласить всѣ племена, обитавшія въ южной Россіи, къ совокупному дѣйствію на Константинополь. Признавая даже гипотезу объ особенномъ расположеніи Рюриковичей и ихъ дружинъ, не успѣвшихъ еще ославяниться, къ морскимъ походамъ, невозможно видѣть въ ихъ походахъ другого развитія морской силы, кромѣ самой первобытной морской силы Галицкихъ выгонцевъ XIII столѣтія, Запорожской сѣчи, Черноморскихъ казаковъ и Некрасовцевъ, доселѣ ходящихъ въ однодревкахъ по Мраморному и Черному морямъ. Нигдѣ не видно, чтобы русскій флотъ IX и X столѣтій состоялъ изъ значительныхъ кораблей, хотя и встрѣчаемъ указанія, что Русскіе употребляли доставляемныя имъ однодревки для построенія морскихъ судовъ. Для хищническихъ морскихъ набѣговъ главная цѣль подходитъ близко къ берегамъ, скрывать суда на берегу, въ хусахъ, и окружать большіе корабли при безвѣтріи, съ возможностью, въ случаѣ неудачи, уходить отъ преслѣдованія на берегъ. Казаки держались упорно на Олешѣ во все время владѣтельства Крымской орды; Олешѣ встрѣчается въ теченіе столѣтій на Португанахъ, не смотря на постоянныя замѣны одного господства другимъ на берегахъ Азовскаго моря. Гипотеза объ особенномъ пристрастіи дру-

жени Игоревой къ морю не находятъ поддержки и въ словахъ самой дружины: „да еще сице глаголетъ царь то что хочемъ болѣе того, не бившеса имати влато и серебро и паволоки? егда кто вѣсть, кто одоѣветъ, ми ли, онѣ ли? *ми съ моремъ кто сътветъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морствѣи; обьча смерть всѣмъ*“. Что касается до распространенія Русскаго племени по Балтійскому и Сѣверному морямъ, то оно весьма незначительно и нынѣ, въ древности же о распространеніи нашего племени на сѣверѣ и слѣдовъ нѣтъ; а потому весьма понятно, почему среди Финскаго племени, заселяющаго берега Балтійскаго моря и Ледовитаго океана, не развивалась русская морская сила. Кромѣ этой естественной причины, были искусственныя, то-есть, политическія. Шведская держава препятствовала намъ до Петра Великаго подойти къ Балтійскому морю. Изъ переписки англійской королевы Елисаветы (Россія и Англія. Юрія Толстаго. С.-Петербургъ, 1875) мы видимъ, что сѣверныя державы стремились къ отнятію у насъ береговъ Вѣлаго моря. Весьма понятно, что Англія, озаботившаяся въ XIX столѣтіи, чтобы Россія не распространялась по сѣверному побережью на западный берегъ Норвегій, весьма заботилась въ XV столѣтіи, чтобы Швеція не захватила всего русскаго сѣвернаго поморья.

Неосновательность гипотезы, что Русскіе до 1175 г. не могли быть Русскими, потому что съ успѣхомъ ходили по морямъ, не имѣетъ ни историческаго, ни логическаго основанія. Та часть сѣвернаго населенія, жившаго морскими разбоями, въ которой развился особый навикъ къ морю, овладѣла Англіей, морскимъ берегомъ Франціи и Сициліей. Та же часть, которая для плаванія по морю избрала путь черезъ Россію, уже тѣмъ самымъ показала, что надѣется болѣе на развитіе щиколокъ для достиженія своихъ цѣлей сухимъ путемъ. Раскопки доктора Ивановскаго въ Петербургской губерніи указываютъ на племя, замѣчательное именно по развитію щиколки. Не повторяется ли этотъ признакъ въ современныхъ бурлакахъ, ходбщикахъ и ворагахъ, и встрѣчается ли этотъ признакъ въ Швеціи и Ютландіи при раскопкахъ, относящихся къ IX до XII столѣтія?

Въ то время, когда Русское племя заняло теченіе Днѣпра, Волги, Урала и Дона, оно руководствовалось правильнымъ разчетомъ, на коммерческомъ основаніи, и удержаніе за собою господства по теченію этихъ рѣкъ далось ему не легко.

Сообщивъ А. А. Бунину имѣвшіяся у меня подъ рукою свѣдѣнія относительно распространенія формъ Sund и Суда, позволяю себѣ пред-

ставить возраженія на этимологическія соображенія, изложенныя имъ въ „Каспій“ по поводу и относительно словъ Варягъ.

На стр. 459 и 633 „Каспія“, А. А. Куникъ ставитъ русскимъ изслѣдователямъ отечественныхъ древностей на видъ, что преждевременное допущеніе Руси на близкое разстояніе къ берегамъ Чернаго моря, или по прибрежью между Вислой и Травой, обращаетъ лѣтопись Нестора въ „подлогъ и нахальную ложь“. Такимъ образомъ открытіе татарскаго элемента въ Россіи до XIII столѣтія должно было бы также поколебать довѣріе къ нашимъ лѣтописямъ, говорящимъ о Татарахъ, какъ о людяхъ невиданныхъ и неслыханныхъ. Присутствіе Норманновъ на сѣверѣ Франціи или на Британскихъ островахъ до первыхъ упоминаній въ лѣтописяхъ о ихъ первыхъ вторженіяхъ должно было бы также поколебать довѣріе къ французскимъ и англійскимъ лѣтописцамъ. Подобный аргументъ наглядно опредѣляетъ, что система о призваніи Русскихъ князей изъ Швеціи не имѣетъ фактическаго основанія. Россія такъ обширна, что при разьединеніи ея составныхъ частей, едва-ли возможно было имѣть точныя и опредѣленныя свѣдѣнія въ официальномъ мірѣ, въ Новгородѣ или въ Кіевѣ, о полномъ составѣ населенія на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, среди владѣній Хазарскихъ. Мы ничего не знаемъ о началѣ казаковъ Донскихъ, Пятигорскихъ, Уральскихъ, Некрасовцевъ и Запорожцевъ. Они держались близъ Азовскаго моря не подъ покровительствомъ Московскаго государства, какъ замѣчаетъ весьма основательно академикъ Куникъ, и удержались противъ воли Турокъ и Татаръ до временъ вятія Очакова и покоренія Крыма. Нѣтъ сомнѣнія, что эта русская военная община утвердилась не во время Татарскаго погрома, ни даже во время удѣльной системы. Мнѣніе, выраженное официально въ прошломъ столѣтіи, о происхожденіи Запорожской сѣчи, есть несомнѣнно ошибка, произшедшая отъ недостатка свѣдѣній, имѣвшихся при редакціи документа, но отнюдь не даетъ повода заподозрѣвать ни подлинность, ни добросовѣстность самаго акта.

Въ „Каспій“ и на стр. 401 и 402 § 4, подъ заглавіемъ: Варяганги и Варанги, Hgodhgot'и и Рудси, академикъ Куникъ сообщаетъ намъ образцовыя соображенія, построенныя по правиламъ граматической этимологіи: „Существительнаго имени Waggang въ смыслѣ словъ Wolfgang или Gangwolf *нельзя болѣе отыскать*; но до насъ дошла *ласкательная* форма его, сохранившаяся въ названіи *лищной* птицы (изъ рода воробьевъ, и немного болѣе воробья), дѣйствительно на-

калывающей свою добычу на пины, то-есть, сорокопута (*Lanius excubitor*; можетъ быть, Аристотелевъ *λοκος*). Въ средніе вѣка въ Германіи еще употреблялось его старинное имя, какъ это, между прочимъ, доказалъ В. Гриммъ (*Ueber die mythische Bedeutung des Wolfes*, см. стр. 204 въ *Haupt, Zeitschrift*, Bd. 12). Отъ словъ „*wargengel*, *wercengel*, *warghengil*, *warkengel*“ и т. д. образовались, съ исключеніемъ цѣлаго слова, болѣе краткія формы „*wargel*, *wergel*“. На древне-сѣв. языкѣ этотъ бродяга-убійца или *Lupambulus* назывался бы *varggöngull* (отъ прилаг. *göngull*, которое первоначально означало уменьшительное слово; на древне-шведскомъ *gangol*, см. *Rydqvist* 2, 401, 402); но, сколько извѣстно, лишь на шведскомъ языкѣ встрѣчается слово *vargfågel* (см. *vargfågel?*), какъ названіе пернатого волка. Со времени Дюканжа имя Варганговъ и даже Варанговъ довольно часто приводили въ связь съ словомъ *wāg*, нисколько не заботясь о различіи основной гласной. Этотъ ложный взглядъ преобладаетъ еще доселѣ въ обсужденіи вопроса о Варгангахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одна, впрочемъ, по всей вѣроятности, сравнительно незначительная часть, какъ Варганговъ, такъ и Варяговъ и Варанговъ, состояла изъ изгнанниковъ: но варгъ самъ по себѣ еще не былъ Варгангъ, а могъ сдѣлаться имъ на новой своей родинѣ (если вообще этого желалъ) только по торжественномъ завѣреніи, то-есть, по совершеніи *обѣта* (въ личной преданности, въ вѣрности) или такъ называемой *wāga* (= вѣра, польск. *wiaga*, лат. *wēga* въ языческомъ смыслѣ), которую выражалъ князю либо рукобитіемъ, либо тѣмъ, что клялся своимъ оружіемъ и проч. Впрочемъ, такимъ обѣтомъ пришлецъ („*advena*“) или переселенецъ врядъ ли у всѣхъ племенъ пріобрѣталъ право полного гражданства; но онъ дѣйствительно вступалъ въ личныя служебныя отношенія къ новому князю-военачальнику своему, покровительствомъ (*scutum* въ *Edictus Hrotarit*, а. 643) и милостью котораго онъ съ тѣхъ поръ начиналъ пользоваться“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что академикъ Куникъ видитъ большую бѣду въ томъ, что мы Русскіе не умѣемъ отличить „*warg*“ съ короткимъ *a*, волкъ, отъ „*wāga*“ съ долгимъ, вѣра, а это, по словамъ А. А. Куника (стр. 51), „непростительно послѣ того, какъ Мюленгофъ въ 1872 году положилъ конецъ смѣшенію двухъ основъ *wāga* и *wāga*“. Обвиненіе Дюканжа весьма странно. Въ документахъ средне-вѣковыхъ латинскихъ и германскихъ не существуетъ обозначенія долгихъ и короткихъ согласныхъ. Дюканжъ въ добавокъ занимается исключительно историческимъ значеніемъ словъ въ средне-вѣковыхъ латинскихъ и

греческихъ памятникахъ. Конечно, нельзя много винить скандинавскую школу за произвольность догадокъ и словопроизводство, такъ какъ это вошло въ обыкновеніе не только скандинавской школы, но и распространилось въ средѣ ея противниковъ. Акклиматизиція произвола есть именно тотъ вредъ, который скандинавская школа внесла въ науку, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она слилась съ Гриммовскою.

Вага или vōg, богиня присяги и союзовъ, говоритъ Адольфъ Гольцманнъ, „ist nicht das Wort althochdeutsch wāg (wahr), es hat kurzes a, sondern waga (nemo) und waga (foedus) und warjan wehren gehören zusammen“ (Deutsche Mythologie herausgegeben von Holder. Leipzig. 1875, стр. 145.) Nemo (waga) мнѣ совершенно непонятно. Не по ошибкѣ ли это издателя, вмѣсто warnehmen отъ древне-верхне-германскаго waga, intuitio (Срав. Dieffenbach; Vergl. Wörterbuch der Germ. Sprachen. Frankfurt am. M. 1851. T. I. стр. 202 подъ буквой V § 63 а).

Шлейхеръ составилъ таблицу подъ заглавіемъ: Worte die fälschlich mit dehnugs — h — geschrieben werden, и въ эту таблицу онъ занесъ: wahr, verus, которое слѣдуетъ писать war, въ средне-верхне-германскомъ wāg, точно также, какъ и вмѣсто wahrgenem слѣдуетъ warnehmen, при чемъ онъ ссылается на средне-верхне-германское war nēmen; Шлейхеръ принимаетъ war за долгое на основаніи средне-верхне-германскаго. По мнѣнію Шлейхера, точно также неправильно wehr, wehren, wehrgeld, такъ какъ въ средне-верхне-германскомъ wērgēld, плата за чловѣка, то-есть наша вира.

О значеніи долгихъ и короткихъ А находится любопытная замѣтка доцента Вюрцбургскаго университета доктора Ю. Юлли (J. Jolly) въ его переводѣ на нѣмецкій языкъ лекцій знаменитаго американскаго филолога Уитнея (W. D. Whitney), на стр. 375 (по опеч. стр. обозн. 391 вмѣстѣ съ 368—385): „Auch haben Schleicher's Forschungen darüber die meisten, wenn auch nicht alle Sprachforscher überzeugt, dass stā dā dhā bāh, nicht mit langem, sondern wie oben mit kurzem a anzusetzen seien, wie denn vielleicht überhaupt die Längug der Vocale den indogermanischen Wurzeln abzusprechen und daher auch die obigen Wurzeln ki, ās, bhūmit ki. as, zū vertauschn sein dürften“ (Die Sprachwissenschaft. München. 1874).

Документы опредѣляютъ неосновательность обращеннаго къ намъ поученія. Несостоятельность преподаваемаго правила подтверждается сравненіемъ Готескаго fagan съ короткимъ a и германскаго fahren. Если бы теорія, придуманная по поводу Варяговъ, была основательна,

то въ готескомъ языкѣ вмѣсто *fagan*, кажется, слѣдовало ожидать *ê*, *âi*; точно также находимъ и въ Эддѣ короткое *far*, *Fahrt*, *fara*, *fah-ger*. Короткое *a* въ *fara* переходитъ, не смотря на строгость правилъ въ долгое *fôr*, *es gieng*. Нетвердость правила относительно *va* наглядно изобличаетъ норренское *liuga*, *lügen*, готеское *lugan*, лгать, *liugna*, ложь; ложь имѣетъ столь короткое *o*, что оно улетучивается въ род. падежѣ, а въ церк.-слав. пишется лъжа и въ им. падежѣ. Готеское *liugjan* соотвѣтствуетъ нашему лгунъ, хотя этотъ дифтонгъ *iu* есть даже *zweilautiges Wocal* (ср. *die Gothische Sprache*. v. Leo Meyer. Berlin. 1869. § 481—485). Готеское *iu* нельзя даже считать соотвѣтствующимъ нашему *ю*, но *yo* такъ *siujan* — шить, соотвѣтствуетъ русскому шьютъ и санскритскому *siv* шить, *sivjati*, шьетъ, *sjûta*-шитый и латинскому *suere*. Въ древне-германской исповѣди, напечатанной у Годаста и приводимой Кеппеномъ (Собр. Слав. памятниковъ, нах. вѣ Россіи. Санктпетербургъ. 1827, стр. 23.) находимъ *liogannes*, въ значеніи *mendacia*, лъжа.

Vargg, *vargi*, дат. над. *vargar* множ. число волкъ съ короткимъ *a* въ первомъ словѣ, бродяга, *Landstreicher* въ послѣднемъ стихѣ четвертой строфы *Fißlsvinnal der Geächtete* въ *Helgakvida Hundingsbana II*. 31. 7. Въ *Sigrdrifumâl* 23. *Armr er vara Vargg*, вѣра, присяга, обѣтъ и *vargg* нарушитель (волкъ) *var* съ короткимъ, а въ обоихъ словахъ. *Wög* множ. число *vaar*, присяга, обѣтъ *gelöbniss*, *schwur* встрѣчается въ той же пѣснѣ. *Sigrdrifumâl* 35 въ изд. Мунка *vâgum*. Древнѣйшіе памятники англо-саксонскіе также опровергаютъ теорію, возводимую *ad hoc* берлинскимъ академикомъ Мюлленгофомъ и выставленную за непреложный законъ академикомъ Куникомъ. *Wâga* — вѣра дѣйствительно въ древне-верхне-германскомъ языкѣ (не въ рукописяхъ однако, не отличающихъ долгихъ), равно какъ и *waega* въ англо-саксонскомъ имѣетъ долгую гласную въ первомъ слогѣ, но оно какъ бы нарочно тѣмъ самымъ опровергаетъ всю теорію, возводимую Мюлленгофомъ, потому что *wâgenga*, по англо-саксонскому словарю Грейна, опять-таки бродяга, ищущій убѣжища, товарищъ звѣрей (Навуходносоръ), а не союзникъ. На сколько шатка теорія правописанія долгихъ и короткихъ, видно ужъ изъ того, что у Грейна приводится древне-норренское *wâgar* въ соглашеніи съ англо-саксонскимъ *waeg* и древне-верхне-германскомъ *wâga*, а сіе послѣднее у Люннинга постоянно съ короткимъ *a*. Въ историческомъ отношеніи важенъ не корень слова, а его значеніе въ документахъ. Значеніе слова въ средневѣковыхъ латинскихъ памятникахъ находится въ

полномъ согласіи съ тѣми рѣдкими древне-германскими памятниками, гдѣ встрѣчаются созвучныя выраженія. Можно объяснить происхождение слова Варягъ отъ *wag* море, отъ *wage* товаръ; есть даже древнее нидерландское *waging*, въ значеніи торговецъ, что снова приближается къ русскому воряга. Положительныя данныя не позволяютъ изыскивать другого объясненія, тѣмъ болѣе, что всѣ данныя совпадаютъ съ значеніемъ историческимъ—безземельныхъ людей, занимающихся отхожими промыслами и преимущественно военнымъ. Всѣ эти А, также какъ и Ö, короткія гласныя, признаны таковыми въ изданіи Эдды Люнингомъ, державшимся пергаментныхъ рукописей. Полезно сравнить его *Lautlehre* при изданной имъ въ Цюрихѣ древней Эддѣ въ 1859 году. Покойный Гольцманъ особенно рекомендуетъ это изданіе и называетъ его словарь *ein sehr verdienstleiches, genaues Wörterbuch*. Люнингъ замѣчаетъ даже, что правописаніе *Munch* (*Munch*) *vāga* въ 23-й строфѣ и *vāgum* въ 35 съ долгимъ *ā* невозможно, „*was bei dem nominativ vör unmöglich ist*. У Люнинга въ 35-й строфѣ находимъ *vōgum* вмѣсто *vāgum*. Съ перваго раза бросается въ глаза, какъ шатко еще положеніе этого вопроса въ Германіи. Трудно даже понять, почему придано сомнительному правилу такое вѣское значеніе при обсужденіи русскаго вопроса русскими изслѣдователями. Все, что отъ насъ можно требовать въ отношеніи иноплеменныхъ языковъ, это — знакомство съ положительными результатами науки.

Л. Дифенбахъ въ предисловіи къ своему сравнительному словарю готскаго и другихъ германскихъ языковъ говоритъ, какъ будто онъ имѣлъ въ виду значеніе, приданное академикомъ Дорномъ и Куникомъ мнѣнію изслѣдователя германскихъ древностей Мюленгофа, и желалъ ободрить неопытныхъ въ дѣлѣ этимологій русскихъ труженниковъ: „*Die Vergleichung hält sich möglich lange auf dem esoterischen Gebiete der gothischen und so jeder andern Sprache, bevor sie in die exoterischen oft concentrischen, Kreise hinaustritt. So wenig indessen jähre und ungeduldige Sprünge in diese Kreise zu gestatten sind, so wenig auch eigensinnige Erclärung der Sprache aus sich selbst, wo dies verfahren zu fruchtlosen oder irre führenden Künste leien führen würde. Viele bereits erkannte Gesetze der Lautverschiebung und des Formenwandels können als Wegweiser gelten; andere sind noch nicht völlig bestätigt oder lassen zahlreiche Ausnahmen zu; nicht Wenige sollen erst noch gefunden werden. Und wer finden will, muss erst suchen und tasten, auf die Gefahr hin, dass er vielfach irren und sein*

абрѣха widerrufen müsse. Diess gilt für die Vergleichung einzelner Wörter, wie ganzer Sprachen*.

Одинъ изъ самыхъ существенныхъ и весьма замѣтныхъ недостатковъ примѣненія чуждой, готовой научной системы заключается въ ссылкѣ на мнимыя или неустановившіяся правила. Ссылаться вкривь и вкосъ на всѣмъ извѣстныя правила совершенно неудобно. На оборотъ, ссылки на уставы неизвѣстныя такъ заманчивы, что не чувствуешь часто и надобности поглубже вникнуть въ смыслъ правила и его отношеніе къ спорному вопросу.

Разностороннее разсмотрѣніе вопросовъ подвигаетъ въ Германіи науку и не дозволяетъ слишкомъ укореняться ошибочнымъ системамъ. При перенесеніи на чужую почву системы, временно увлекающей въ Германіи умы, ложная система переносится весьма естественно какъ нѣчто непреложное, потому что адепты ея не сомнѣваются въ ея состоятельности. Такимъ образомъ, полагаясь на авторитетъ Гримма, Мюлленгофа, Мунка, можно весьма понятнымъ образомъ признавать бесполезнымъ справляться съ современнымъ состояніемъ науки въ Германіи и съ высоты академической кафедръ объявлять непреложными правила, оказывающіяся при первой повѣркѣ вопросными для всѣхъ, а для многихъ — болѣе чѣмъ сомнительными. Въ рукописяхъ норренскихъ и англо-саксонскихъ вовсе нѣтъ обозначенія долгихъ и короткихъ гласныхъ. Согласныя въ словахъ, извлеченныхъ изъ древнихъ фризскихъ документовъ, признаются Дифенбахомъ долгими, если эти согласныя повторяются. Кромѣ шаткости и колебаній въ наукѣ, происходящихъ вслѣдствіе массы силъ, устремленныхъ въ Германіи на изученіе средневѣковыхъ памятниковъ, есть еще другой источникъ, возбуждающій въ сильной мѣрѣ недовѣріе—это ультра-національное направленіе, сильно развившееся въ Германіи вслѣдствіе Наполеоновскаго гнета. Не трудно прослѣдить откровенныя выраженія этого патриотическаго чувства, заглушавшаго стремленіе къ изслѣдованію истины. Споспѣшникъ братьевъ Гриммъ, Симрокъ наивно въ нѣсколькихъ словахъ излагаетъ всю суть дѣла въ предисловіи къ своей Handbuch der Deutschen Mythologie (Bonn. 1874). Онъ прямо предлагаетъ перелить, „umtünzen“, или по крайней мѣрѣ, такъ очистить древнія сокровища, чтобъ они могли быть снова пущены въ обращеніе, то-есть, общечеловѣческія преданія Азіи, Африки и Европы преобразовать въ преданіе германское. Мотто, избранный имъ, выражаетъ мысль весьма безцеремонно: „Dies ist unser, so lasst uns sagen und so es behaupten“. Слова эти дѣйствительно — тотъ ловунгъ

Гриммовской школы, которая долго господствовала въ Германіи, пока не пришли къ убѣжденію, что слѣдуетъ строже держаться фактовъ и ближе изучать тексты. Этотъ мотто объясняетъ намъ возможность обращенія съ русскимъ народнымъ вопросомъ, каковое мы встрѣчаемъ въ „Каспій“. Сознаюсь, что для меня, мало слѣдившаго за вопросомъ, такое обращеніе — поразительная новостъ. Вообще несостоятельность непреложнаго и основнаго правила, указываемаго А. А. Куниномъ, ярко опредѣляется Шлейхеромъ (*Die Deutsche Sprache von August Schleicher. Dritte Auflage. Stuttgart. 1874, стр. 173*): „Das Gesetz der Dehnung betonter ursprünglicher Kürze vor einfachem Consonanten, bei Bewahrung der Kürze vor zwei oder mehr Consonanten und der Länge vor einfacher Consonanz, leidet also mancherlei Ausnahmen, die meist durch die Natur der folgenden Laute bedingt, aber nicht consequent durchgeführt sind. An dem Mangel ausnahmslos durchgreifender Lautgesetze bemerkt man recht klar, dass unsere schriftsprache keine im Munde des Volkes lebendige Mundart, keine ungestörte Weiterentwicklung der älteren sprachform ist. Unsere Volks mundarten pflegen sich als sprachlich höher stehende, regelfestere Organismen der wissenschaftlichen Betrachtung darzustellen als die Schriftsprache“.

Невозможно не сознать все величіе германской науки, взлелѣянной братьями Гримиами; но это сознаніе не должно мѣшать намъ при изученіи источниковъ пользоваться нѣмецкими научными пособиями, выпущенными въ свѣтъ этою школою, съ крайнею осторожностію, потому что руководства, проникнутыя ультранаціональнымъ направленіемъ, могутъ только запутывать вопросы и отбивать у насъ всякую охоту къ изученію древностей. Не даромъ попъ Юрко Крижанничъ писалъ: „И потому Нѣмцы поколи умомъ всѣхъ, а лѣпотою многихъ народовъ надходятъ: есуть отъ всѣхъ народовъ нахождѣн и наизгордливѣн. Тоже языка способностію и скоростію, и множиною причъ и пѣсней надходятъ всѣхъ; и по наслѣдку есуть отъ всѣхъ наипаче *юворливъ*, шутливы, хульники, лаятели и страшныхъ хуль, и ощипокъ и угрызливыхъ причъ всегда полны: тако да ины народы, конъ зъ ними общуютъ, на обумленіе и на отчаяніе бывають пригнаны. О кулико таковыхъ изобиженій язъ всемъ видѣль, и мало не всякій день вижу и слышу“.

Объясненіе названія Варяговъ, древне-норренскимъ и англо-саксонскимъ *Wara* и *Wäre foedus*, растум, весьма гадательно и вовсе не имѣетъ историческаго основанія, такъ какъ это названіе

въ средневѣковыхъ латинскихъ и англо-саксонскихъ памятникахъ имѣеть значеніе бродягъ, изгнанниковъ, а у Византійцевъ съ XI столѣтія Варанги обозначаютъ наемниковъ, приходящихъ съ сѣверныхъ острововъ — Британіи и другихъ, опять съ тѣмъ же несомнѣннымъ значеніемъ выходцевъ. Ордерикъ Виталій говоритъ, что много Датчанъ вышло изъ Англіи, послѣ вторженія Норманновъ и отправилось на службу въ Константинополь. Въ русской лѣтописи Вараги обозначаютъ разныя сѣверныя поморскія племена. Гельмольдъ говоритъ о заселеніи Славянскихъ марокъ людьми разнаго племени и по этому поводу упоминаетъ Вагрию, заселенную Датчанами и Славянами. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ показанія Нестора, это то, что жители нынѣшней сѣверной Россіи обратились именно къ выходцамъ изъ Россіи для содержанія торговыхъ путей въ порядкѣ. Среди этихъ племенъ германскіе писатели упоминаютъ Руссовъ. Весьма понятно, что въ прибалтійскія окраины стекались люди и цѣлыя роды, утратившіе свое положеніе на родинѣ; также точно династіи финскіе, датскіе, англо-саксонскіе, шведскіе, русскіе и другіе, лишенные своихъ владѣній, уходили съ своими приверженцами на морской разбой, какъ въ наше время средне-азиатскіе династіи уходять въ степь: Славянскія и Финскія племена обратились къ своимъ прежнимъ династіямъ или другимъ русскимъ выходцамъ. Для разъясненія вопроса о призваніи Руси весьма важно въ добавокъ опредѣлить, кто именно призналъ необходимымъ это призваніе, земля или большіе торговые города. Для городской защиты вполне достаточно было наемнаго войска, но для связи разьединенныхъ частей цѣлаго народа нужна была связь болѣе надежная. Торговые города не имѣютъ надобности и не могутъ находить разчета участвовать въ содержаніи путей въ мирѣ и порядкѣ. Торговые города пользуются тѣми путями, которые существуютъ, и охраняютъ торговые пути посредствомъ дипломатическихъ сношеній съ кочевыми племенами, довольствующимися сборомъ пошлины; кочевныя племена весьма естественно находятъ прямой разчетъ въ огражденіи правильнаго и постояннаго транзита чрезъ ихъ земли. Войны начинались издревле съ кочующими народами, какъ говоритъ Страбонъ, вслѣдствіе нарушеній поселенцами древнихъ, весьма нетягостныхъ обязанностей, налагаемыхъ кочевниками на поселенцевъ. Въ этой замѣткѣ Страбона кроется развитіе нашей древнѣйшей исторіи. Мы подвигались — какъ говоритъ древнѣйшая наша лѣтопись — съ Дуная вдоль рѣкъ, текущихъ по Россіи. Движеніе это весьма понятно вызывалось необходимостью поды-

маться по теченію рѣкъ за пушными звѣрями и за новыми землями для ихъ воздѣлыванія. Греческіе города во Фракіи и Скиѣи могли вытѣснять туземцевъ и вызывать переселенія. Римское оружіе несомнѣнно тому содѣйствовало.

Совершенно другой характеръ имѣеть иммиграція варяжская. Варяги проходили черезъ Россію съ транзитнымъ товаромъ, мѣхами и невольниками съ Балтійскаго моря и Сѣвернаго поморья; они приходили на службу по найму къ Русскимъ князьямъ и въ Новгородъ; тѣ изъ нихъ, которые не возвращались домой, тѣмъ самымъ представляли быть Варягами; Варяги упоминаются въ лѣтописи какъ отдѣльное военное общество; Владиміръ Великій, спровадивъ эту безпокойную артель, рекомендуетъ и греческому правительству тѣ мѣры, которыя слѣдуетъ соблюсти при ихъ водвореніи. Варяги эти могли быть точно также иноплеменные Норрены, какъ и выдѣлившіеся изъ русскаго общества Украинцы. Варягами назывался сбродъ наемниковъ, также точно, какъ въ наше время люди, собираемые для ватагъ или для судоходства, называются бурлаками, и это названіе не имѣеть никакого племеннаго значенія, хотя въ разныя времена могло въ бурлацкихъ ватагахъ преобладать то или другое племя. Параллельно съ артелями бурлаковъ образовались ходебщики и воряги, развозившіе товары отъ одного конца Россіи до другого и даже до кибитокъ турменскихъ. Значительной разницы между нынѣшними ватагами бурлаковъ и Варягами не слѣдуетъ предполагать. Норманны и Франки, стремившіеся къ востоку, первоначально являлись въ качествѣ пилигримовъ и дѣлались при случаѣ завоевателями. Живой разказъ о подобныхъ хожденіяхъ сохранили наши богатырскія пѣсни о каликахъ переходящихъ. Любопытно было бы прослѣдить, имѣли ли обычай скандинавскіе Варяги ходить на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ чрезъ Италію или по Двинѣ, Днѣпру или Дону. Это одна изъ многочисленныхъ задачъ, не изслѣдованныхъ и даже едва ли затронутыхъ скандинавскою школою въ теченіе столѣтняго процвѣтанія. Древняя русская лѣтопись опредѣленно говоритъ, что князья Русскіе призваны были землей съ согласія племенъ Финскихъ и Славянскихъ; участіе Новгорода въ этомъ сказаніи олицетворяется Гостомысломъ.

По крайнему моему разумѣнію, объясненіе Варяговъ, Woeringa, въ смыслѣ федератовъ, исторически невѣрно, какъ это уже указалъ С. А. Геденовъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о происхожденіи Варяговъ-Руси. Званіе федератовъ давалось Готамъ и другимъ сосѣднимъ народамъ, дававшимъ вспомогательное войско. Ни Англо-

Саксонцы, ни Датчане никогда федератами не назывались и союзниками Греческой имперіи не могли быть и не были. У Кедрина, во времена Владиміра Великаго и Ярославъ, русскіе полки и франкскіе, сѣверо-италианскіе, называются союзными, а варяжскіе наемными, съ особеннымъ удареніемъ на наемъ. Кедринъ называетъ армянскій полкъ союзнымъ лишь одинъ разъ, но именно въ совокупности съ франками (ч. II, 217); на стр. 225 называетъ полки франкскіе и русскіе союзными.

Необходимо хотя вскользь прослѣдить это названіе въ письменныхъ памятникахъ того времени. Въ памятникахъ готскаго языка слово Варягъ, весьма понятно, не встрѣчается. Въ гѣсняхъ древней Эдды этого прозвища не существуетъ, хотя въ нихъ упоминается Ярославъ. Въ англо-саксонскихъ поэмъ слово это встрѣчается два или три раза въ формѣ Vǫrgenga и Vergenga, въ значеніи товарища звѣрей Навуходоносора и человѣка, ищущаго защиты у Бога, чтѣ соотвѣтствуетъ нашему выраженію убогій. Въ средневѣковыхъ латинскихъ памятникахъ слово это употребляется постоянно въ значеніи бродяги, проходима, человѣка, находящагося внѣ закона. Въ Геймскринглѣ Сворра Стурлезона, Vaeringi часто упоминаются какъ воинское сословіе, служащее въ Константинополѣ. Весьма можетъ быть, что въ ихъ средѣ названіе имѣло значеніе взаимнаго союза, то-есть, артели; но вообще, судя по памятникамъ, не исключая и Геймскрингла, слово это обозначало наемное войско, составленное изъ гулящихъ людей, дромитовъ, бѣгуновъ, и могло происходить отъ латинскаго vagare, бродить, vagare, стеречь, чтѣ согласно и съ значеніемъ норренскихъ vǫrgi, стража, и varda, сторожить. Императрица Екатерина, перебирая въ лексиконѣ Янковича слова, начинающіяся съ *Var* = *Гвар*, выводила, что „Варяги не отъ слова воръ происходятъ: они garde-côtes, и названіе гвардіи оттуда же взято; они составляли гвардію греческихъ императоровъ въ Константинополѣ“ (см. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изданіе Н. П. Барсукова, стр. 349, 350). Въ сущности оба понятія сходятся точно также, какъ и въ отношеніи формы. Хорваты, приходящіе изъ Австрійскихъ владѣній въ Константинополь въ значительномъ количествѣ, отчаянные разбойники и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя надежныя сторожа. Достаточно имѣть при домѣ сторожа изъ ихъ среды, чтобы быть вполне обезпеченнымъ отъ нападений въ Церѣ и примыкающихъ къ Церѣ кварталахъ, за исключеніемъ Галаты, гдѣ хозяйничаютъ Мальтійцы.

Гаральдъ Грозный въ 1034 году отправляется въ Архипелагъ

и Средиземное море для преслѣдованія пиратовъ. Муральтъ говоритъ, что онъ назначенъ былъ императрицею Зоею предводителемъ Варяговъ, съ ссылкой на Снорре Стурлезона. По крайне важному показанію Снорре Стурлезона, передавшемъ разказъ соучастниковъ Гаральда, дѣло о предводительствѣ и состояніи Варяговъ изложено весьма опредѣленно и согласно съ извѣстіями Византійцевъ. П. де-Ріанъ (Paul de Riant, *Expéditions et pèlerinages des scandinaves en Terre sainte à temps des Croisades*. Paris, 1865, стр. 123) относитъ хожденіе Гаральда въ Іерусалимъ къ періоду между 1033 и 1037 годомъ. Къ сожалѣнію, самой книги я не имѣлъ въ рукахъ, такъ какъ она въ продажѣ не находится.

Замѣтка въ Геймскринглѣ, что Гаральдъ зачислился въ войско въ Константинополь совпадаетъ съ первымъ упоминаніемъ о Варягахъ византійскими историками. Императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ о Фарганахъ, Ховарахъ, Агарянахъ и Франкахъ, а о Варягахъ ни полслова. Фарганы Константина Порфирогенита были, судя по его словамъ, военные люди, приходящіе изъ Хазаріи. Массуди говоритъ, что хозарское войско составляли мусульмане, Ларисен, пришедшіе изъ-за Персидскаго залива. Онъ же замѣчаетъ, что въ войско принимались вмѣстѣ съ мусульманами Русскіе и Славяне.

Послѣ Константина Великаго, со второй половины X столѣтія до 1034 г., ни о Фарганахъ, ни о Варягахъ въ византійской исторіи не упоминается, а въ 1034 году Кедринъ разказываетъ о Варягахъ, расположенныхъ на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи. Это упоминаніе въ первый разъ о Варягахъ вполне согласно съ извѣстіемъ, сохраннымъ Снорре Стурлезономъ, что Гаральдъ собралъ свою дружину въ самомъ Константинополѣ.

Гаральдъ поступилъ въ дружину не подъ своимъ именемъ, потому что онъ имя свое скрывалъ въ Константинополѣ. Названіе Веринговъ весьма близко къ древней славянской формѣ вѣрникъ. Въ Фрейзингенскихъ статьяхъ I. 6.: *vzem uernikom boziem*. Кеппенъ приводитъ изъ перевода Ефрема Сирина по перс. рукописи XIV ст. принадлежащей Публичной Библіотекѣ, „вѣрника“ *waeringi*. Самое близкое по сущности и по формѣ выраженіе встрѣчается въ актахъ древне-фризскихъ: *waringe*, *waringe*, *be* и *biwaringi*, постоянно въ значеніи причастія, но въ принадлежности къ глаголу *waga wahren*, *wahnehmen*, *bewahren*.

Слово Варинги, сохранившееся въ документахъ фризскихъ, имѣетъ

особенно важное значеніе, потому что земля Фризовъ, въ полномъ смыслѣ слова завоеванная надъ моремъ, была главнымъ и постояннымъ приютомъ Норманновъ. Весьма можетъ быть, что слово находится въ сродствѣ съ латинскимъ *vaage*, германскимъ *faqa*, *fahgen*, и обозначаетъ хожденіе на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ—*Romfaqa*; ср. съ арабскимъ *Al farés*, и съ русскимъ ворягой. Пѣсни наши о калкигахъ переходящихъ представляютъ вѣрный типъ Гаральда и его товарищей.

Историческая критика относится крайне безцеремонно къ фактамъ и историческимъ названіямъ. По соображенію Фарганы преобразованы въ выходцевъ съ острова Туле и Франковъ, тогда какъ ими ихъ вполне историческое и вполне соотвѣтствуетъ показаніямъ Константина Порфирогенита. Григорій Абульфараджъ по переводу Покока, стр. 128, упоминаетъ подъ годомъ 816 землю Фаргановъ вмѣстѣ съ Турками и Согдами: „*Eo (Al Valid Eba Abdolmelee) imperante Katiba Ebu Muslem in regiones trans fluvium sitas profectus Turcis et Sogd, Shash et Pharganae incolis, qui conflato exerciti quatuor menses eum inclusum detinuisent, in fugam versis Boharam cepit*“. О неправильности отождествленія Фаргановъ и Варяговъ также было указано С. А. Геденовымъ въ упомянутомъ его изслѣдованіи о происхожденіи Варяговъ-Руси. Фаргана лежитъ между Самаркандомъ, Бухарой и Коканомъ.

До какой степени намѣренно старались у насъ запутать вопросъ о Варягахъ, видно изъ того, что Стритеръ безъ оговорки помѣщаетъ закаспійскихъ трансоксіанскихъ Фаргановъ въ статью о Варягахъ, служащихъ въ Константинополѣ. Среди массы собранныхъ имъ свѣдѣній, оставляемыхъ правильно безъ комментариевъ, онъ приобщаетъ къ своимъ выпискамъ о Варягахъ крайне необстоятельный комментарий, вовсе не соотвѣтствующій плану изданія; комментаторъ Яковъ Рейске не выясняетъ вопроса, а внушаетъ, что Франки и Варанги одно и то же. Муральтъ, въ своемъ хронологическомъ перечнѣ правильно отдѣляя азіатскихъ Фаргановъ отъ Варанговъ, присоединяетъ къ упоминанію о первыхъ совершенно неумѣстный комментарий о Варягахъ, могущій только запутать читателя. Такимъ образомъ, съ крайнею заботливостію приняты мѣры, чтобы читатель не могъ располагать вполне своею мыслию. Въ планъ громаднаго труда, посвященнаго повѣрѣ и собранію хронологическихъ данныхъ, комментированіе вопроса о Варягахъ не могло и не должно было входить. Появленіе въ специальныхъ академическихъ изданіяхъ, каковы выписки Стритера, хронологическій перечень Муральта и т. д. варяж-

скихъ комментаріевъ, составленныхъ въ добавокъ на основаніи общихъ мѣстъ, прямо доказываетъ, что система лишена историческаго основанія, и неумѣстные комментаріи вызываются полемическимъ настроеніемъ, возбужденнымъ въ значительной степени сомнительностію проводимаго начала.

Отношенія Гаральда къ Варягамъ опредѣлены въ Геймскрингла-сагъ: „Eo tempore Graeciae imperavit Regina Zoe potens et unacum ea Michaelus Catalactus. Haraldus cum Constantinopolin ad reginam venisset, militiae nomen dedit, et statim proximo autumnno triremis conscendit una cum militibus, qui in mari Graeciae excumbare solebant, suorum sibi militum cohortem retinens. Eo tempore exercitui dux praeerat vir, nomine Gyrger, reginae cognatus. Haud diu in exercitu versatus erat Haraldus, cum Vaeringi se magno studio ad eum applicare coeperunt, qui, quoties cunque praelia fiebant, omnes una se consociabant; unde factum est ut Haraldus omnium Vaeringorum praefectus fieret; hi et Gyrgeriani passim per insulas Graeciae circumnantes, praedones maritimos infestis armis magnopere vexabant“ (Heimskringla Saga. Saga Haralds Konungs Hardrado).

Здѣсь встаетъ замѣтить, что постоянно встрѣчаемая въ вариантахъ форма Vaeringar принадлежитъ болѣе къ англо-саксонскому Vaer (foedus), чѣмъ къ норренскому Vör, присяга, обѣтъ, множ. vágar. Разница въ правописаніи не важная, но и она какъ будто служитъ подтвержденіемъ, что Константинопольскіе Варяги набирались преимущественно въ средѣ англо-саксонской, а не норренской. Спорра Стурлезонъ весьма опредѣлительно различаетъ Исландцевъ отъ Норманновъ. Разказъ о походѣ Гаральда былъ ему переданъ однимъ изъ двухъ Исландцевъ, сопровождавшихъ Гаральда въ походъ: „Duo viri Islandi (Islenzkir) nominati sunt, Haraldus castra secuti: Haldor, filius Snorri pontificis, qui narrationem de his rebus hanc in terram retulit; alter Ulvus...“

Въ Grettis saga—Thorstein Dromundr и Thorbjörn поступаютъ въ Константинополь въ дружину варяжскую. Фактъ этотъ интересенъ, такъ какъ въ немъ намечается на разноплеменный составъ дружины: „In cohortem Vaeringorum ascisci cupientes, ad his facile recepti sunt, scientibus Nordmannos esse; tum Micael Catalactum Rex Mikla garði tuit“. Торстейнъ искалъ убійцу брата своего Греттира, убитаго въ 1031 г., и узналъ его въ 1034 г. по мечу, принадлежавшему убитому брату, при осмотрѣ оружія, производимаго въ дружинѣ. Событіе это произошло современно съ первымъ упоминаніемъ Варяговъ византий-

скими писателями. Подъ этимъ годомъ Кедринъ говоритъ объ убійствѣ одного Варяга въ Малой Азіи оскорбленною имъ женщиной. Въ *Saga Haralds Konungs Hardrada*: „Nordbriktus (имя, подь которымъ скрывалъ себя Гаральдъ) non diu apud exercitum fuerat, cum Vaeringi universis fere studiis adeum se inclinabant, et ad ejus signa in praeliis confluebant; unde factum est ut Nordbriktus universi Vaeringorum exercitus praefectus fieret“. Въ этомъ вариантѣ Гаральдовой Саги важно то указаніе, что Гаральдъ вступилъ въ дружину не подь своимъ именемъ, ибо онъ его скрывалъ въ Константинополѣ, такъ какъ присутствіе въ Константинополѣ и служеніе въ войскѣ лицъ, принадлежавшихъ чужимъ царскимъ родамъ, не допускалось. Уже выше приведены были свидѣтельства, что въ византійской исторіи не упоминается о Варягахъ до 1034 года, а смѣшиваніе варяжской дружины съ Фарганами основано на игрѣ словъ, пока не найдено будетъ слѣдовъ присутствія германскаго элемента въ Средней Азіи, въ эпоху историческую.

Въ русской лѣтописи Варяги обозначаютъ разныя племена—Шведовъ, Датчанъ, Англичанъ, Мурмановъ и Русскихъ. При сличеніи лѣтописнаго перечисленія народовъ съ имѣющимися свидѣніями объ обычаяхъ этихъ племенъ весьма ясно, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду морскихъ пиратовъ и китолововъ. Въ сагахъ постоянно повторяется одно и то же явленіе: роды, лишенные владѣній, уходятъ въ море, такъ какъ узбеки въ степь. Въ лѣтописи нашей упоминается изгнаніе Варяговъ изъ Россіи и затѣмъ приглашеніе, обращенное къ Варягамъ-Руси прійти володѣть нашею землей. Эти Варяги, Русь могли быть или 1) тѣ же самыя Варяги, что были изгнаны, или 2) тѣ Варяги-Русь, которые могли быть изгнаны предшествовавшимъ господствомъ, или наконецъ, ни тѣ, ни другіе, но непременно такіе, которые имѣли твердые корни въ Россіи. Финскія и Русскія племена разчитывали правильно, что найдутъ въ нихъ необходимую связь для защиты края отъ сѣверныхъ, восточныхъ и внутреннихъ хищниковъ. Гдѣ кроется опредѣленіе племеннаго происхожденія этихъ Варяговъ-Руси, рѣшительно не видно, за исключеніемъ древнихъ свидѣтельствъ о Синдахъ и Азахъ-Туркахъ. Съ послѣдняго столѣтія до Р. Х. Одинъ основываетъ династію въ Россіи. Походы Норренскихъ королей Датскихъ и Шведскихъ на востокъ, то-есть, въ земли финскія и русскія, Гардарикъ, упоминаются часто, но нигдѣ не идетъ рѣчи о завоеваніяхъ. На оборотъ, до XII столѣтія влючительно упоминаются вторженія Финновъ въ Швецію. Всѣ сѣверныя династіи, по свидѣтельству сагъ, находятся въ

родствѣ съ русскою, а о вассальныхъ отношеніяхъ Русскихъ князей къ Норренскимъ не только нѣтъ и намека, но на оборотъ, важнѣйшіе члены главныхъ владѣтельскихъ Норренскихъ родовъ вступаютъ въ вассальныя отношенія къ Русскимъ князьямъ. Самое имя Гардарики, даваемое Россіи въ норренскихъ сагахъ, указываетъ, что средоточіе власти было въ Россіи, ибо Гардарикъ то же, что и Норманское Garderige, высочайшій дворъ, царская ставка. Тезисы, выдвинутые скандинавскою школою въ „Каспіѣ“, вполне разоблачаютъ доселѣ за лѣсами скрывавшійся фасадъ. Вопросъ уже ставится: брали ли скандинавскіе князья съ собою въ морскіе походы своихъ новыхъ подданныхъ, прованныхъ Русскими лишь по принадлежности иноплеменному господствующему племени, и вопросъ этотъ предрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. На стр. LV и LVI предисловія къ „Каспію“, написаннаго г. Дорномъ, читаемъ: „Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ (А. А. Куникъ) рѣшительно утверждалъ, что мнимое свидѣтельство Табари о Русскихъ 643 г., на которое ссылалось столько ученыхъ, не имѣетъ никакого значенія. Эти статьи (г. Куника, напечатанныя въ „Каспіѣ“) могутъ особенно служить къ правильному разрѣшенію еще мало изслѣдованнаго доселѣ вопроса о способности нѣкоторыхъ средневѣковыхъ народовъ къ морскому дѣлу и о „водобоязни“ другихъ. Въ высшей степени желательно, чтобы недавно (25-го сентября 1874 года) предложенная академіей задача по части составленія исторіи мореплаванія и морскаго дѣла древнихъ Славянъ до XIII вѣка, была рѣшена удовлетворительнымъ образомъ. Въ томъ положеніи, въ какомъ теперь находится этотъ вопросъ, ориенталистамъ трудно было сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предпринимали ли морской походъ Варяго-Руссы одни, или въ сообществѣ съ Славянами, и т. д.

На страницѣ 385 А. А. Куникъ по поводу упоминанія въ хроникѣ Табари о соединенныхъ посредствомъ бракосочетаній Хазаръ, Русовъ, Алянъ съ Турками и въ отвѣтъ на вышеприведенныя слова академика Дорна говоритъ: „Но изъ таковаго неудовлетворительнаго свидѣтельства ни одинъ благоразумный изслѣдователь не станетъ выводить заключенія, что это были предки русскихъ моряковъ, являющихся гораздо позднѣе. Скорѣе принять ихъ можно за степную орду, конные отряды которой, подобно древнимъ Венграмъ, Печенѣгамъ, и другимъ кочевымъ наѣзdnикамъ, развѣ только съ помощью мѣховъ, спитыхъ изъ звѣриныхъ шкуръ, умѣли переправляться черезъ большія рѣки, вообще же, такъ сказать, страдали водобоязнию“.

Читатель не долженъ упускать изъ виду, что предыдущія слова

слѣдуетъ понимать съ помощію финскаго языка, то-есть, что подъ именемъ Русскихъ подразумѣваются Ruotsi-Шведы.

Не доказываетъ ли предыдущая выписка что идеализація исторіи ведетъ къ крайне и безусловно неудовлетворительнымъ, даже жалкимъ результатамъ? Могутъ ли подобныя догадки, сомнѣнія, критическія размышленія подвигать науку? Старомодные наши изслѣдователи собирали массу бесполезныхъ свѣдѣній. Критическая школа очистила хламъ, и что жъ она намъ дала? Собственныя размышленія, обстановка рѣдкія свидѣтельскія показанія произвольными объясненіями, какъ слѣдуетъ понимать показанія свидѣтеля; въ этой критической обработкѣ исторіи нельзя даже признать похвальнымъ упражненіемъ въ діалектикѣ, а скорѣе—возвращеніемъ къ средневѣковой схоластической методѣ.

Всѣ эти догадки и гипотезы, переносимыя къ намъ скандинавскою и Гримовскою школою, не имѣютъ даже и того привлекательнаго характера, коимъ онѣ отличаются въ германскихъ школахъ. Германскіе систематики и въ особенности школа Гримма льстятъ до нельзя народному самолюбію и тѣмъ самымъ оправдываютъ свои теоріи и свое пренебреженіе фактами. Та же самая школа, перенесенная къ намъ, положительно упускаетъ изъ виду это основаніе германской исторической школы. Профессоръ Упсальскаго университета Гейеръ, коего Шведская исторія вошла въ переводъ въ собраніе Герена и Уккерта, излагаетъ въ 1832 году всѣ доводы, приводимые академикомъ Кунникомъ о принадлежности Руссовъ Шведскому племени. Однако Гейеръ находитъ необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявить, что ему кажется неправдоподобнымъ быстрое развитіе могущества Рюрика, Олега, Игоря и Святослава, если они дѣйствительно были съ дружинами своими иноплеменные пришельцы. Гейеръ, какъ Шведъ, весьма правильно не останавливаясь долго на разсмотрѣніи вопроса, ссылается на русскихъ ученыхъ, чтобы объяснить могущество первыхъ шведскихъ Русскихъ князей ихъ давнимъ владѣніемъ Русскою землей. Что Варяго-Руссы были Шведы, для Гейера это не требуетъ доказательства, такъ какъ онъ можетъ сослаться на оффиціальныхъ русскихъ историковъ—Шлецера и Карамзина. Голословная ссылка подтверждается мнѣніемъ, выраженнымъ архимандритомъ Кипріаномъ въ Новгородѣ, что Рюрикъ былъ Шведъ. Это мнѣніе называется преданіемъ, существовавшимъ въ Новгородѣ въ XVII столѣтіи. Кромѣ того, Гейеръ видитъ сильное подтвержденіе скандинавской теоріи въ существованіи водяныхъ путей изъ Чернаго и Каспійскаго морей въ

Валгійское и большое количество восточныхъ монетъ IX и X столѣтій, находимыхъ въ Швеціи, и довольствуется этимъ подтвержденіемъ нашей полуофіціальной системы о происхожденіи Руси.

Не очевидно ли, что въ теченіе столѣтія средневѣковая исторія вовсе не подвигается, и что въ замѣнъ изученія намотниковъ повторяются на довольно однообразный ладъ соображенія, основанныя на нѣсколькихъ выпискахъ изъ византійскихъ и арабскихъ писателей. До сего времени одна только часть всеобщей исторіи была хорошо разработана,—это исторія Аѳинской республики, греческой скульптуры и римскаго права. Что же касается среднихъ вѣковъ, безъ преувеличенія можно сказать, что даже фундаментъ для созданія ея не положенъ, потому что не только средневѣковые писатели, но и писатели отъ временъ Александра Великаго до XII столѣтія не были изучены. Изученіе этого періода на очереди и ожидаетъ русскихъ исследователей.

А. А. Кунинъ ссылается на слова профессора Васильевскаго, что имена первыхъ Русскихъ князей, пословъ русскихъ, принимавшихъ участіе въ Константинопольскихъ договорахъ, и русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ даютъ прочное и незыблемое основаніе скандинавской теоріи. В. Г. Васильевскій мѣтко указалъ на узелъ вопроса. Разъясненіе этого вопроса на основаніи положительныхъ данныхъ есть несомнѣнно настоятельная необходимость для полноты нашей первоначальной исторіи; озаботиться разъясненіемъ этого вопроса есть прямая обязанность скандинавской школы. Скандинавская школа находится уже весьма давно въ долгу передъ Россіей не по одной этой статьѣ. Пространное отечество наше вынесло столько вторженій и мирныхъ заселеній, и самихъ Славяно-Руссовъ нельзя считать автохтонами, а потому намъ нѣтъ основанія отвергать присутствіе въ племени нашемъ крови датской, шведской или англо-саксонской. Состояніе Россіи въ IX столѣтіи могло быть такъ безнадежно, что города русскіе и племена Славянскія и Финскія должны были прибѣгнуть подъ покровъ и защиту иноплемениковъ, сильныхъ своею военною организаціей. Начало нашей исторіи въ лѣтописяхъ византійскихъ и запискахъ арабскихъ совершенно противорѣчитъ причитанію, въ теченіе столѣтія повторяемому.

Подобное положеніе разрозненныхъ племенъ не разъ представлялось въ исторіи. Начало римскаго могущества покрыто такимъ же мракомъ, какъ и наша исторія. Римляне объясняли, впрочемъ, и кажется весьма разумно, троянское происхожденіе римскаго могуще-

ства перенесеніемъ культа изъ Малой Азіи на римскую почву.—Въ обыкнѣ Эддахъ явно выражено, что перенесеніе того же троянскаго культа повторилось и на сѣверѣ Европы и повторилось во всемъ мірѣ. Связь, замѣтная въ исторіи всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть религіозная; сѣверные народы находились, вѣроятно, болѣе въ духовномъ, чѣмъ въ племенномъ сродствѣ съ выходцами изъ Азіи. Скандинавскіе пилигримы отыскивали въ Малой Азіи древнія, языческія святилища своихъ праотцевъ и приурочивали Константинополь къ преданіямъ объ Одишѣ. Главный интересъ изслѣдованія распространенія троянскихъ сказаній на сѣверѣ Европы заключается именно въ томъ, что распространеніе этихъ сказаній есть живой слѣдъ, который можетъ привести къ усненію народныхъ движеній и отношеній со времени распространенія римскаго владычества по берегамъ Чернаго моря. Александръ Великій связалъ духовные и матеріальные интересы народовъ отъ Индуса до Средиземнаго моря, а римское владычество привело всѣ эти элементы, соединенные Александромъ Великимъ, въ броженіе и дало этимъ начало тому устройству европейскихъ и азіатскихъ народовъ, которое проявляется съ VIII вѣка.

Князь Павелъ Вяземскій.